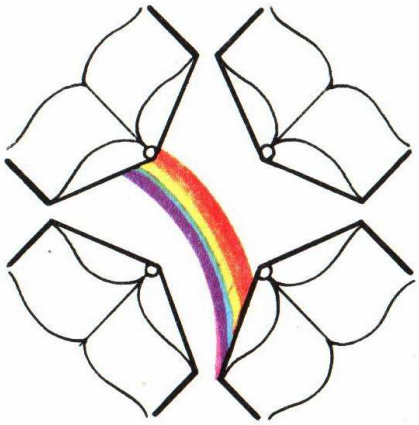
Семилетний стрелок из лука



СЕМИЛЕТНИЙ СТРЕЛОК ИЗ ЛУКА

Этой книгой Мурманское издательство начинает выпуск цикла книг, включающего народные сказки стран Северного Калотта: Советского Союза, Норвегии, Швеции и Финляндии,— а также сказочные повести писателей этих стран.

Семилетний стрелок из лука

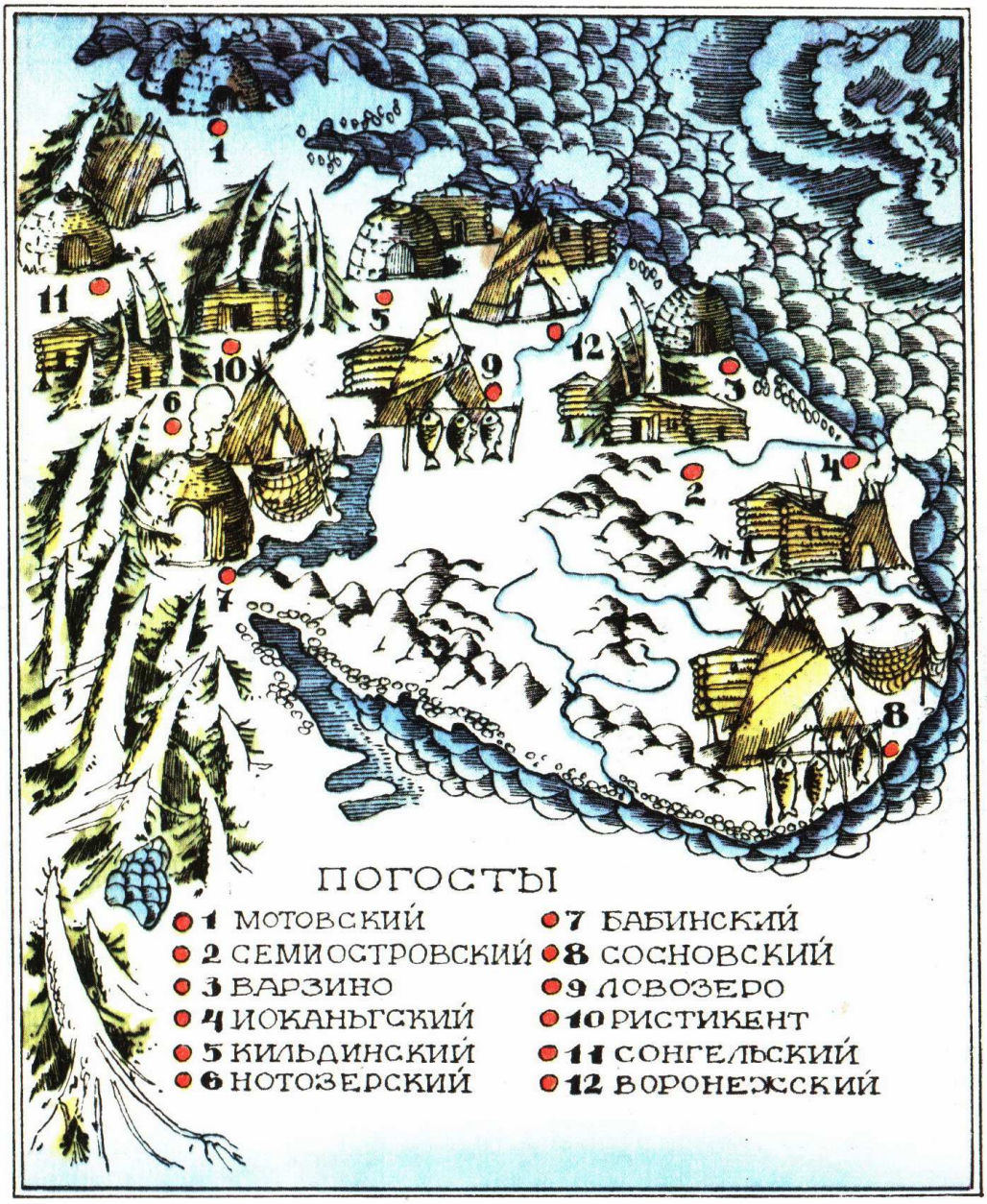
СААМСКИЕ СКАЗКИ

ОБРАБОТАЛА ДЛЯ ДЕТЕЙ
Евгения
ПАЦИЯ

Художник
ВАЛЕРИЙ ЦИКОТА

Редактор А. Б. Тимофеев

МУРМАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО · 1990



ББК 82.3(2)
С30

Рецензенты:

Л. Ю. Брауде, Г. М. Керт

ISBN 5-85510-079-0

© Мурманское книжное издательство, 1990

О саамах и их сказках

С незапамятных времён рассказывали: где-то на севере Европы есть таинственная Лапландия — страна холода и мрака. Люди там ходят в звериных шкурах, без промаху стреляют из лука и умеют колдовать — по желанию даже летом могут вызвать снежную бурю. Бывает, рассказывали ещё старые мореплаватели, что небо там загорается и прокатываются по нему волны зелёного и малинового огня.

Что здесь правда? А почти всё! Действительно, на территории нынешних четырёх стран: Норвегии, Советского Союза, Финляндии и Швеции — издавна живут охотники и рыболовы саамы (раньше их называли лопарями). Были они меткими стрелками, а одежду и обувь шили — и сейчас шьют — из шкур оленя. Что же до снежных бурь летом, то они и сейчас случаются — безо всякого колдовства: север, он и есть север. А полярное сияние, сполохи, вы и сами видели.

Большинство советских саамов сейчас живёт в Ловозере — селе, расположенном в центральной части Кольского полуострова,— вместе с коми-ижемцами, ненцами и русскими. Основное занятие — оленеводство.

В старые времена жили саамы маленькими погостами (так у них деревни назывались) или вообще только своей семьёй где-нибудь у лесного озера. Охотились на оленя-дикаря, пушного зверя, рыбу ловили, в чистой воде северных рек добывали жемчуг. Только коротким у них было их мирное житьё. Приходили «погулять» по здешним местам более сильные племена. Отбирали оленей, меха, жемчуг, уводили саамских девушек.

Разбросанные по всему Кольскому, саамы так за всю свою историю ни разу не объединились, чтобы дать отпор врагам. Каждый погост защищался сам. На помощь приходили смекалка, ум да знание родных мест. Любили они свой край, да и сейчас любят, самой верной, самой преданной любовью.

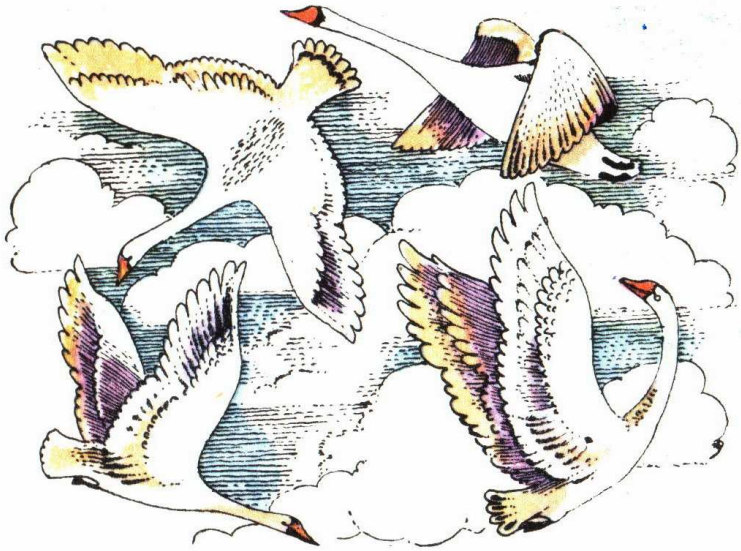
Если прочитать саамские сказки, а потом побродить по здешним местам, то они покажутся на удивление знакомыми. Потому что, как только покрасивее горушка, или посильнее падун на реке (так на Мурмане водопады называют), или озеро какое-нибудь необыкновенное,— саам обязательно про это сказку расскажет. Есть, конечно, в сказках и могучие богатыри, которые защищали саамский народ, и справедливые волшебники — нойды. Любят саа-

мы сочинять сказки про разных зверей, а больше всего про дикого оленя. Вся их жизнь прежде от охоты зависела.

Много у саамов интересных сказок.

Когда ты начнёшь читать эту книжку, некоторые сказки тебе покажутся знакомыми, другие, наоборот, ты прочтёшь впервые. А то, что сказки у разных народов бывают похожи друг на друга, в этом ничего удивительного нет. Люди всего земного шара, где бы они ни жили, всё равно стремятся к миру, добру, честности, ценят смелых, сильных и справедливых.

О далёком прошлом саам обязательно скажет: в «вежное время». Вежа — это самое древнее жилище. Полуземлянка, полушалаш, дёрном да берёстой покрытый. Теперь таких нигде не увидишь. Вот в эти «вежные времена» и зародились саамские сказки. Потом бабушки и дедушки рассказывали их своим внукам, а те своим, и так много веков. И только в конце прошлого столетия первые сказки были записаны. В этих сказках — мудрость и опыт предков, их мечты и надежды и красота земли Кольской.



Чахкли

Теперь уж никто и не знает, что это за чахкли и когда они на свете жили. Ну а если и были такие, то так давно, что даже сказки о них забывать стали.

Сказывают, что добрее чахкли в целом свете никого не было. Жили они под землёй и владели всеми её богатствами. А сами скромно жили. У них даже одежды никакой не было. Ростом чахкли маленькие, меньше ребёнка годовалого. И олени у них маленькие. В память о них на земле карликовые берёзы остались. Такие когда-то у чахкли в лесах подземных росли.

Случалось, правда, кто-то из саамов и обижал чахкли, обманывал, много богатства с их помощью наживал. Когда они догадывались, что их не в доброе, а в злое дело втянули, обижались и навсегда из тех мест уходили. Может, поэтому их в наших краях не стало, что многие стали больше живота своего хотеть. Раньше-то сказать «саам» — значит честность. Бывало, купцы к погосту — так посёлки звались — приедут, а саамы на летних промыслах. Прикроют купцы товар, чтобы звери не растаскали, и знают: хоть через год приезжай, всё будет стоять нетронутым. Совсем недавно так было.

Саамские дети очень любили слушать сказки про маленьких голых человечков — чахкли, которые всем подземным богатством владели и многим, многим помогали.

Вот как про это в одной сказке рассказывают.

Шёл однажды охотник зимой на лыжах. Вдруг видит: среди зимы в небольшом распадке снега совсем нет и даже травка зеленеет. «Не иначе,— подумал он,— кто под землёй живёт». Приложил ухо к земле, голоса

услышал, смех, олени рехкают. «Да здесь, наверное, чахкли поселились. Вот бы на них поглядеть!»

Устроился поудобнее и стал ждать. Вдруг чувствует: кто-то его разглядывает. Повернулся — стоит перед ним крохотный голый человечек. Охотник так и обмер. А чахкли смешной такой: что бы охотник ни сделал, всё за ним повторяет.

«Вот бы мне такого домой принести, детишек порадовать. Как бы поймать его?» — задумался охотник.

Хитрый он был. Размотал оборы, которые каньги, короткие меховые сапоги, держали. Одну обору — тесьму красивую, ярко окрашенную — поближе к чахкли положил, а другой давай себя обматывать.

Смотрел на него чахкли, смотрел, потом взял обору и давай вокруг себя тоже крутить. Чахкли всегда повторяли, что люди делали, очень они хотели у людей всему научиться. Чтобы в дружбе с людьми жить. Вот и... Обмотался весь, запутался, пошевелиться не может. Охотник взял его, положил за пазуху и поскорее домой отправился.

Принёс охотник чахкли в свою вежу — жилище такое, покрытое мхом и дёрном, похожее на шалаш. Дети обрадовались, говорить чахкли учат, в зыбке качают, на руках носят. Одежду ему саамскую сшили. А чахкли тоже старается, всё за ними повторяет — учится, значит, у них человеческим премудростям.

Да только случилась беда. Напала на тот погост чудь — враг саамов. Все мужчины за луки схватились, с разбойниками воевать стали. И чахкли с ними. Стали его уговаривать спрятаться. А чахкли не слушается. Увидел он чудинов и навстречу им побежал. Те его копьями колют, дубинками колотят, а ему ничего не делается. Испугались чудины, решили, что место здесь заколдованное, и поскорее прочь убрались.

Все саамы низко кланяются чахкли, благодарят его за то, что спас от чуди. А охотнику вдруг как-то не по себе стало. Стыдно ему, что чахкли обманом увёл. Взял его, посадил за пазуху и пошёл к тому тёплому распадку. Обрадовался чахкли, когда увидел родные места. Опустил саам его на землю. Благодарит чахкли охотника и подождать немного просит.

Смотрит саам, удивляется. Был чахкли — и вдруг не стало.

Прошло немного времени — появился, золотой и серебряный слитки в руках держит. Отдал их охотнику и говорит:

— Пусть саамы, когда у них нужда случится, сюда приходят. Мы всегда дадим им столько, сколько нужно будет.

Говорят, чахкли долгое время саамов поддерживали, во всём им помогали. До тех пор, пока кто-то разбогатеть не надумал.

Богатый, да скупой - бедный, да щедрый

Прежде жили когда-то два брата.

Один богато жил. Тупа — изба бревенчатая с плоской крышей — у него просторная, в камельке всегда огонь горит, олени стадами бродят.

А у другого всё не так. Не уследил он как-то раз за своим камельком, угли в нём потухли. Сколько ни дул, берёсты ни подкладывал, не добыл больше огня. «Пойду,— думает,— к брату. Неужто он углей пожалеет?» Взял глиняный горшочек и пошёл к богатому брату,

а тот суп ест, мясо на дощечку выложил, ножичком отрезает, в рот кладёт. Кости обглоданные собакам бросает. Стоит бедный брат у порога, дальше пройти боится. А богатый ест себе, будто бедного брата и не видит. Только когда поел, спрашивает:

— Что тебе, рвань, надо?

— Мне бы угольков горшочек,— отвечает бедный,— камелёк разжечь, холодно в тупе.

— Ишь чего захотел,— брат ему отвечает.— Мои угольки мне и самому нужны. Пошёл прочь!

Идёт бедный брат и думает: «Видно, правду говорят про скупых, что у них углей из печки не достанешь. Это и про моего брата сказано. Делать нечего, надо у чужих угольков искать, без углей возвращаться нельзя».

И пошёл саам куда глаза глядят. Долго шёл по лесным горушкам — варакам да по болотам, приустал. Сел отдохнуть на поваленное дерево, достал кусочек сушёной рыбы, чтобы подкрепиться. Вдруг видит: перед ним чахкли стоит, маленький такой, одежды на нём нет. Просит:

— Дай мне, саам, рыбки кусочек.

Посмотрел саам на свою рыбу. Такой у него кусочек маленький, только чахкли и можно накормить. Отдал всё.

А чахкли спрашивает:

— Что это ты такой грустный?

Рассказал бедный брат, как у богатого углей не выпросил.

— Как брата зовут? — чахкли спрашивает.

— Не скажу я тебе его имени,— говорит бедный,— стыдно мне за него, брат он мой.

— Ладно,— говорит чахкли,— не говори, он сам ко мне придёт. Дай-ка мне горшочек.

Взял чахкли горшочек, и в расщелине меж камней исчез, и вынес оттуда его, полный углей.

— В руках неси,— говорит чахкли бедному брату,— до самого дома. Горячо будет — терпи.

Поблагодарил младший брат чахкли. Накрыл горшок шапкой, чтобы угли не остыли, и скорее домой побежал. Чем ближе к дому, горшочек всё теплее становится. Горячо сааму держать его, но терпит. Только через порог своей тупы ступил — споткнулся. Горшочек из рук выпустил, тот и разбился на много кусков. Чуть не заплакал бедный саам. Бросился угли голыми руками подбирать, а они совсем не горячие.

Смотрит, а это не угли вовсе, а кусочки золота. А черепки от горшка в серебряные слитки превратились.

Богатым стал бедный брат. Тупу новую поставил, оленей много купил. Каждый день у него огонь в камельке горит, суп с мясом в котле варится.

Прослышал богатый брат, что бедный разбогател, спать перестал. Всё думает, как у брата узнать, откуда добро взялось. Да только стыдно, что брата прогнал, угольков пожалел.

Недолго мучился богатый, жадность своё взяла. Пошёл он к брату в гости. А тот зла не помнит. На почётное место усаживает брата, угощает. Богатый стал расспрашивать, откуда столько добра у бедного взялось. Рассказал ему брат, как чахкли встретил, рыбу ему отдал. И как горшочек с углями до дому донёс. И что потом вышло.

Вернулся богатый домой. Не спит, не ест. Только и думает, как бы того чахкли найти. Взял горшочек побольше, а рыбу сушёную положил в него поменьше. Бежит по тропинке, по которой брат шёл. И на судьбу свою плачется. Добежал до поваленного дерева, чахкли зовёт.

Вышел из расщелины чахкли, саам ему рыбу суёт.

— Скорее,— говорит,— мне углей давай, да поплотнее их в горшочек укладывай.

Усмехнулся чахкли.

— Пусть,— говорит,— будет, как ты просишь.

Вынес он богатому углей горшочек. Схватил тот горшок, даже спасибо не сказал.

Тяжёлый горшок и руки печёт. Бежит богатый брат, ног под собой не чует. Только бы донести поскорей — об одном думает.

Прибежал домой, порог переступил, бросил горшочек на пол, тот разбился на много кусков. Угли по всей тупе рассыпались. Ждёт богач, когда они в золото превращаться будут. А угли лежат себе. Вот уже пол в тупе заниматься огнём начал. Сидит богач, шевельнуться боится. Стены гореть начали. С четырёх сторон уже тупа горит. Насилу его из огня вытащили. Всё сгорело: и тупа, и амбары. Олени огня испугались, разбежались по тундре.

Сидит богатый брат и плачет. Никого теперь беднее его нет. Куда идти?

Делать нечего, побрёл богатый брат с женой и детьми к брату, которому горшочка углей пожалел. А идти тяжело: вдруг разбогатевший братец его прогонит?

Да не так вышло.

Ничего у него брат спрашивать не стал. Накормил всех, напоил и спать уложил. День живёт с семьёй, второй, третий, а всё не может рассказать, что с ним приключилось. Стыдно ему. А брат уже и сам всё знает. У дурных вестей ноги длинные, быстро по свету несут. Беда с каждым случиться может. И предложил брату-гостю брат-хозяин:

— Живи у меня, всем места хватит. Работать будем — проживём.

Так и стали вместе жить. Ребят хороших вырастили. Одинаково работали, и пили, и ели равно.

Скорее всего, они и по сей день живут.

Как саам на небо ходил

Жил в одном погосте бедный саам. Чудной такой. Мужчины на охоту идут, а ему всё некогда. Вежа у него старая, ветер по ней гуляет, шкуры оленя, что постелью служат, от времени протёрлись, дыра на дыре. Жена плачет: ну что за непутёвый муж! У детей одежда старая, каньги прохудились, а он всё забавы какие-то придумывает.

— Не могу,— говорит,— на охоту идти. Буду себе новую вежу изо льда строить.

Смеются над ним в погосте и мал и стар:

— Лучше бы ты дикаря-оленя добыл да вежу подлатал.

А он за своё.

— В ледяной веже,— говорит,— светлее будет, не то что в ваших.

Мужчины на охоту пошли, а он каши из сосновой коры поел да за ледяную вежу принялся.

Строит саам вежу, песни поёт. Построил, стал жену с детьми в новое жильё звать. Не идут. Обиделся саам.

— Один,— говорит,— здесь жить буду.

Запалил в ледяной веже костёр и спать повалился. Тепло стало от костра, со стен капать начало. А он спит себе, ему лето снится да дождь на дворе. Так, пока спал, вежа и растаяла. Проснулся мокрый, замёрз совсем,

а вокруг от мала до велика весь погост собрался, со смеху за животы держатся.

Совсем чудак разобиделся.

«Ну,— думает саам,— что-нибудь такое сделаю — ахнете. Будете знать, как надо мной смеяться!»

Думал-думал и придумал кусочек солнца достать, чтобы оно всегда над погостом светило. Тогда зимой и полярной ночи не будет.

Небо-то вон оно, близко, облака за старые сосны цепляются. Да как до него добраться? Вырубил он большую лесину. Стал стружку строгать. Строгал, строгал и настрогал на большую кучу. Поджёг костёр, накрыл его последней постелью из оленьей шкуры, что у него была. И сам верхом уселся. Костёр горит, дым к небу поднимается. И шкура оленья с саамом поднимается. Долетела до неба. Встал на него чудак и пошёл солнце искать. Чем ближе к солнцу подходит, тем жарче становится. Одежда на нём уже дымится. А солнце жжёт прямо как каленое железо.

Радуется саам, что койбицы, рукавицы из оленьего меха, с собой, а то солнце и не взять в руки. Снял он со спины вукс — мешок из оленьих шкур. Интересный это мешок, как будто бы к деревянному стульчику привязан. Саамы раньше в таких мешках от Кандалакши до Колы грузы разным купцам да учёным-путешественникам носили.

Отломил саам кусочек солнца, в вукс положил. В обратную дорогу собрался. Дошёл до своей постели, сел на неё и не знает, как на землю спуститься. Сюда-то дым принёс.

Смотрит, а у рыбаков, что на небе живут, ярусы, верёвки с крючками, на вешалах сохнут. Стал их чудак связывать. Длинная верёвка получилась. Опустил к земле, вроде достаёт. Стал спускаться, а ветер этот ярус из

стороны в сторону мотает, еле саам держится. Вот и конец ярусу, а до земли-то далековато. Сверху-то не видно было.

Обессилел саам совсем, выпустил ярус из рук, но на своё счастье в болото угодил, не разбился. Но провалился по самое горло, ни руки, ни ноги вытянуть из болота не может. А в это время по болоту лебедь ходила, место для гнезда искала. Понравилась лебеди шапка саама, решила, что это кочка такая. Взяла и гнездо тут свила. Яйца положила да насиживать села. Сидит саам в болоте, совсем ему худо, а тут ещё голову парит.

Видит: волк к гнезду подбирается. Увидела его и лебедь, крыльями замахала, загоготала и взлетела с гнезда. А саам, не будь дураком, волка за хвост зубами цап! Волк завыл от боли, прыгнул — и саама из болота выдернул.

Пошёл чудак с гнездом на голове. Шёл, шёл, пришёл в погост. Люди тут собрались, пальцами на него показывают, за животы от смеха держатся.

— Ну,— говорят,— чудак, как это ты на небе себе гнездо на шапке свил?

Не обижается саам. В вежу свою старую приглашает. Народу в неё набилось, ждут, что ещё им этот чудак-саам покажет? Развязал саам свой вукс, а кусочек солнца из него выскочил и встал под потолком.

Все так и обмерли. На тот кусок смотреть не могут: больно ярко он светит. Постояло солнышко под потолком — да и прожгло в нём дыру. На волю вырвалось. И скорее к солнцу, да на место встало.

Саам даже заплакал от горя. Столько времени ходил — и зря! А люди его жалеют. Чудак он, конечно, да солнце само достать сумел. Говорят ему старики:

— Не ходи больше на небо. И так проживём. Мы к полярной ночи привычны.

Морская бабушка

С давних пор на берегу Териберской губы, заливе морском, стоял погост. В те времена одни саамы там жили. Морским промыслом занимались, рыбу ловили. Лодки у них деревянные, оленьими жилами шиты, маленькие такие, вёрткие. Трудно на этих лодках рыбакам в плохую погоду. Баренцево море суровое, шторма на нём частые. В плохую погоду и в губе не укрыться. Волны в ней гуляют — почище чем в открытом море.

Собрались как-то саамы и стали думать: не поискать ли другое место для погоста? Уж больно открытая для всех штормов и ветров Териберская губа.

А жила в этом погосте старушка Моресь-аканчь — Морская бабушка. Слушала-слушала она и говорит:

— Мой прадед в этих местах рыбу промышлял, и дед, и отец, и муж, а теперь вот сыны и внуки. Стыдно мне вас, рыбаки, слушать. Кто же это из родных мест уходит?

Заспорили с ней рыбаки.

— Ладно,— говорит Морская бабушка,— избавлю я вас от непогоды, от бурь.

Не поверили ей саамы.

— Как же ты нас избавишь от непогоды? — спрашивают.

— Скоро увидите,— ответила старушка.

— Нет,— говорят саамы,— скажи, где ты защиту возьмёшь?

— Возьму я её у Цып-Наволока и приведу в Териберку,— сказала старушка.

Вот так бабушка! Что надумала!

А она говорит:

— Вы спать ложитесь и из вежей не выходите, на море не смотрите, пока я вас сама не позову.

Пообещали саамы сделать так, как старушка велела, и спать пошли.

Развела Моресь-аканчь большой костёр, положила в него рыбу треску. Суп варит, китовым плавником помешивает да слова тайные говорит. Поднялась на море страшная буря, на землю и на воду густой туман пал. Морская бабушка вмиг по нему до нужного места добралась, оторвала от полуострова Рыбачьего большой кусок земли и поплыла на нём по морю на восток, к Териберке. А тут и утро настало. Небо прояснилось. Туман рваными клочьями пошёл да и весь растаял.

Плывёт земля мимо устья Кремнёвой реки. А в устье том саамское селение — Погост Истёртой Скалы. Его так называли, потому что скалы там штормами сильно разбиты были. Саамские жёнки рано поднимаются. Вышли две женщины поглядеть на море, не пора ли мужей поднимать да за рыбой отправлять. Видят: земля плывёт. Закричали они:

— Люди, просыпайтесь! Чудеса делаются! Было на море чисто, теперь земля на нём появилась!

Выбежали саамы из своих веж — и глазам не верят. Стоит против их погоста большой остров.

Кильдин он теперь называется.

Вот как всё получилось. Не знали женщины те: нельзя было кричать, когда плывущий остров увидели. Кусок земли тот от человеческого крика и остановился. А Моресь-аканчь, что на нём плыла губу Териберскую от непогоды защитить, вмиг окаменела. И стала она главным морским сейдом, добрым духом моря. Много раз саамы-промышленники к каменной бабушке ходили, китовые позвонки ей в подарок приносили, рыбу всякую. И всем она удачу в морском промысле давала.

Много лет прошло, столько, что и не сосчитать. Стоит и стоит сейд — большой камень, над морем возвышается. Да только однажды шёл мимо острова военный корабль. Увидел капитан в бинокль: камень над морем стоит. Стал у матроса, который из местных, спрашивать, что это за камень такой. Тот и сказал эту историю про сейд-бабушку. Посмеялся капитан. И велел по тому камню из пушки пальнуть.

И по сей день стоит Моресь-аканчь на том же месте, только груда обломков от той пальбы возле неё. А она сама цела-целёхонька.

Вот как бывает.

Айновы острова

Охотничье счастье переменчиво, год на год не приходится. Много дичи — саамы сытно живут, а нет оленя-дикаря — совсем голодно становится.

Давно это было. Ушёл из нашей Лапландии олень-дикарь. И год его нет, и другой. Вовсе плохо на Печенге стало, где погост у Вайда-губы был. А рядом, в Норвегии, оленей хоть руками лови, столько их водилось. Вот и стали старики думать, как бы этих оленей в наши места переманить.

А жили в те времена в этом погосте два брата — силачи нойды, колдуны саамовские, со своей матерью. Решили братья-нойды помочь саамам. Говорят однажды матери:

— Мы пойдём в Норвегию, отрежем там кусок земли с оленями и приплывём на нём сюда. Жизнь тогда лучше пойдёт.

Сняла мать каньгу, сапожок олений, с левой ноги, размотала обору, портянку, которой в старину саамы ноги заматывали, и отдала её сыновьям, чтобы ту землю удобней тянуть было.

Отправились нойды в Норвегию. Пришли в один фиорд, а там на мысу избушка стоит. Жила в ней девушка по имени Айно. А оленей-дикарей вокруг столько, что и года не хватит, чтобы всех пересчитать. «Вот этот мыс нам и нужен»,— думают братья. А младший всё на Айно глядит, глаз не сводит. Приглянулась ему девушка. И Айно на него смотрит.

— Оставайся на моём мысу жить,— говорит.— Смотри, оленей сколько.

— Нет,— отвечает младший брат.— Пошли в наши края жить. Хорошим мужем тебе буду.

— Как же я со своей земли уйду?

— Да и уходить не надо,— говорит тогда старший брат.

Привязали они к мысу обору, что мать дала, да и потянули его за собой. Плывут на этом мысе на восток. Туман густой по воде, по земле стелется.

А мать-старуха той ночью сон видит. Плывут сыновья по морю на норвежской земле. Оленей везут много. И невестку в дом везут. Обрадовалась старуха. «Надо,— думает,— детей и невестку на берегу встретить».

Прибежала она к морю. А ничего не видно. Туман густой. Села на берегу и вдруг услышала: гул над морем идёт. Этот гул от топота копыт и рехканья оленей шёл. От радости старуха и запела:

— Вот мои дети едут, везут много оленей и важенок да красавицу невестку. Настоящие нойды мои сыновья!

Только она это пропеть успела, как обора взяла и оборвалась. А земля, что братья везли, остановилась да от толчка на два острова разломилась. Чуть-чуть

нойды эту норвежскую землю до Печенги не дотянули. Младший брат с Айно так на тех двух островах жить остался. Старший же с оленями вплавь домой добрался. Говорят, рыба сайда ему помогла.

А острова эти с тех пор Айновыми зовут. Сейчас оленей на них нет. А вот птицы морской и морошки-ягоды — тьма-тьмущая.

Собачий сын

Жила когда-то в Пазрецком погосте бедная вдова. Детей у неё не было. Всё она о старости думала: как же ей без кормильца прожить?

Летом саамы перекочёвывают из погоста на лесные озёра, где рыбы побольше, корм оленям получше. Было такое угодье и у вдовы. Амбары там старые стояли. Хорошую вежу одной не поставить, раскинула она куваксу — шалашик переносной. Когда в ней, а когда и в амбаре переночует. Рыбу впрок солила, сушила, ягоды собирала. Так лето и шло. В погосте среди людей живёшь, а сюда за лето другой раз ни единая душа не заглянет. Плохо одинокому человеку в лесу. Совсем вдова загрустила.

Недалеко за амбарами был в угодьях вдовы сейд — Большой Камень, добрый дух. Бывало, когда муж её на охоту собирался, всегда сюда рога оленя приносил, и сейд удачу посылал. Но женщинам к сейду не то что ходить — смотреть в его сторону не полагалось. «Нет у меня никого, пойду сама, попрошу, чтобы ребёночка мне послал. Может, не рассердится на меня и поможет»,— надумала вдова.

Поймала большую рыбу и понесла сейду.

— Прости меня, сейдушко, что закон нарушила. Рога у тебя все истлели, никто тебе давно подарков не делал. Пошли мне ребёночка любого, хоть в звериной шкуре,— попросила женщина.

Прошло время, родился у неё сын. Лицо человечье, а шкура на нём собаки. Быстро вырос сын-зверь. На охоту ходить стал. Оленя-дикаря лучше всех в погосте промышлял.

Настало время, просит сын невесту ему высватать. Пошла женщина через озёра и вараки в дальний погост, куда молва о её сыне-звере не долетела. Приходит к старику со старухой, у которых три дочери было, просит старшую в жёны сыну.

Отдали старики старшую дочь.

Привела вдова её в свою вежу, а сын её — лесная собака — на охоте был.

Говорит вдова невестке:

— Ложись спать и за мной не подсматривай, я бурдух варить буду.

(Бурдух — это суп с мясом оленя да ягодами морошкой и вороникой.)

Легла невестка, а самой любопытно, что свекровь делать будет. А та налила в кожаный мешок воды, мяса в него покрошила и повесила над огнём. Смешно девушке стало.

— Кто же это,— говорит она,— в кожаном мешке еду готовит?

Только это сказала — мешок и потёк.

— Нет,— говорит старуха,— моему сыну послушная жена нужна.

Выгнала она девушку на улицу и превратила в камень.

Пришёл сын с охоты.

— Привела,— спрашивает у матери,— мне жену?

— Приводила одну, да в камень обратить пришлось, непослушная невестка попалась,— отвечает мать.

Пошла она на следующий день опять в дальний погост, среднюю дочь за сына сосватала. Привела домой, но и среднюю пришлось в камень обратить: и эта невестка старухиной просьбы не выполнила.

Отправилась за младшей дочерью. Удивились старик со старухой:

— Что это ты каждый день другую дочь сватаешь. Сколько же у тебя сыновей?

Но отдали вдове и младшую дочь. Больно богатые подарки вдова старикам приносила. Да и дочерей не очень жалко, их всё равно для чужих домов растить приходится.

Привела вдова девушку к своей веже. Увидела та два камня, догадалась, что это её сёстры. Свекровь девушку в вежу провела, спать укладывает и подглядывать не велит. А сама в кожаный мешок воду наливает, мясо крошит, ягоды сыплет. Отвернулась девушка к стенке. Лежит ни жива ни мертва, думает: «Уснуть бы да не проснуться». Страшно ей.

А свекровь сварила свадебное угощение, разбудила девушку.

— Такая,— говорит,— жена моему сыну подойдет. Послушная.

А тут и сын-зверь с охоты пришёл. Посмотрела на жениха девушка, жалко ей его стало. Погладила она его по шерсти. Попировали они, старуха молодых в амбар спать отправила.

Утром зверь на охоту убежал, а невестка весёленькая ходит, вдове помогает, просит сестёр освободить. Свекровь не соглашается.

Так и живут они вместе. Любопытно свекрови, чем это её уродливый сын так невестке люб. И так спросит,

и эдак — молчит девушка. Совсем старуха раззадорилась.

— Ладно,— говорит,— освобожу твоих сестёр, только скажи, почему мой сын тебе в такую радость.

Жалко девушке сестёр, не утерпела она, хоть и просил её муж до времени тайну его не раскрывать, сказала свекрови:

— Снимает он ночью звериную шкуру и таким парнем красивым становится, что и описать нельзя.

Освободила старуха старших сестёр, те и спасибо младшей говорить не стали, бегом, подальше от этой вежи бросились, только их и видели. Совсем теперь вдова себе места не находит. Очень ей хочется, чтобы сын человеком жил. Стала она у невестки спрашивать, куда да куда сын шкуру ночью кладёт. Молчит невестка. Решила старуха сама подглядеть. И высмотрела, как сын шкуру под порог спрятал. Схватила она шкуру и бросила её в костёр. Сын проснулся:

— Где-то моя шкура горит!

Выбежал из амбара и говорит жене и матери:

— Терпенья у вас не хватило. Совсем недолго мне шкуру носить оставалось. Таково сейдово повеление было — за то, что женщина обет предков нарушила, к нему ходила. А теперь я уйти должен. И найдёшь ты меня, жена, после того, как три пары каньг износишь и три пуговицы оловянные растают.

Сказал так и исчез.

Сшила вдова невестке три пары каньг, достала из короба три оловянные пуговицы. Надела невестка каньги, взяла пуговицы в рот, пошла по свету мужа разыскивать. Идёт, с вараки на вараку переходит, глубокие озёра да реки переплывает. Уж одна пара каньг износилась — не видно нигде её мужа. Села она на поваленное дерево, стала каньги переобувать, смотрит — стоит пе-

ред ней чахкли. Ноги у неё в кровь истёрты. Пожалел чахкли её, спрашивает, куда идёт. Рассказала ему женщина про свою беду.

— Слышал я, слышал про твои дела,— говорит чахкли.

Дал он ей красивый костяной гребень и сказал:

— Твой муж забыл тебя, другая жена у него теперь. Дорогу к нему мой средний брат покажет. Иди прямо на восток, там его встретишь.

Поблагодарила она чахкли и пошла на восток. Долго шла, зима настала. Вторая пара каньг износилась, вторая пуговица во рту растаяла. Села на пенёк каньги переобуть, смотрит: стоит перед ней чахкли.

— Давно тебя поджидаю,— говорит он ей.— Вот тебе серебряный гребень. Теперь тебе к моему младшему брату идти надо. Он на юге живёт. Он к мужу и приведёт.

Поблагодарила его женщина. Спрятала в маленький вукс, мешочек, бисером расшитый, серебряный гребень и пошла на юг.

Третью пару каньг износила, третья оловянная пуговица у неё во рту растаяла. Встретила она младшего чахкли. А на дворе уже лето. Вот сколько времени шла бедная жена. Говорит ей чахкли:

— Там, за варакой, на берегу Белого моря стоит большая тупа. В ней и живёт твой муж с новой женой. Иди к ним и в работницы просись.

Подарил ей чахкли золотой гребень и сказал:

— Пригодится он тебе.

Пришла бедняжка к берегу моря. Видит, тупа стоит. Попросилась в работницы. День работает, второй. Как вся работа кончилась, стал её муж с новой женой в мяч играть. Катится мяч прямо в руки к работнице. Подошёл к ней муж, просит мяч отдать. Видит девушка:

не узнаёт её. Отдала мячик, достала костяной гребень и стала волосы расчёсывать. Смотрит новая жена, а гребень красивый, резной весь. Так ей гребень захотелось. Стала просить работницу: продай да продай.

— Дай,— говорит работница,— мне с твоим мужем в амбаре ночь просидеть, тогда отдам.

«Напою мужа сонным зельем,— думает новая жена,— пусть тогда и сидит с ним ночь».

Взяла жена гребень. Напоила мужа сонным зельем, пошёл он в амбар да и уснул тут же. Всю ночь проплакала брошенная жена у постели любимого, да так и не проснулся он.

На следующий день опять вечером муж с новой женой в мяч играть стали. Села работница на порог, достала серебряный гребень, расчёсывает волосы. А новой жене так этот гребень хочется, что сил нет. Стала просить: продай да продай серебряный гребень.

— Пусти с твоим мужем ночь в амбаре посидеть, тогда и гребень твой,— сказала женщина.

Обрадовалась новая жена. Напоила мужа сонным зельем и отпустила в амбар. Долго плакала брошенная жена около спящего, всё ему про судьбу свою рассказывала. Да только не добудилась его.

Проснулся утром муж, смотрит: рубаха вся от слёз мокрая. «Странно,— думает,— охотник я, чутко сплю, все шорохи слышу, а надо мной в амбаре кто-то всю ночь проплакал, а я не проснулся?!»

На третий вечер опять муж с новой женой в мяч играть стали. Достала работница золотой гребень. Новая жена, как его увидела, сама предложила:

— Иди ночуй с моим мужем, только в последний раз, а гребень этот отдай.

А сама сонное зелье готовить побежала. Да только муж проследил, что за зелье она приготовила, и вылил

его потихоньку. Пришла брошенная жена ночью в амбар. Стала любимого будить, про судьбу ему рассказывать. Слушал её муж, кое-что вспоминать начал. Женщина плачет, слёзы жгут его тело. И с каждой слезой память к нему всё больше возвращается. Ещё солнце над морем не встало, а уж вспомнил человек-собака и мать, и жену первую, и вежу родную. Домой его потянуло. Первая жена столько из-за него вынесла, любит крепко. Обнял он её, и пошли они в родные места. На пороге вежи мать их встретила, и стали они жить лучше прежнего.

А новая жена с досады, что мужа на гребни променяла, выбросила их в Белое море.

И расползлись те гребни в разные стороны ежами морскими.

Гирвас-озеро

Больше всего на свете саамы оленей ценили. И неудивительно это. Олень для них главным кормильцем был. В старину саам на оленя всегда аккуратно охотился. Никогда всё стадо не уничтожал, лишнего не убивал. Думал о завтрашнем дне.

Жил на берегу одного озера охотник с сыновьями. Время подошло — состарился. Да не очень тужил: двоих сыновей вырастил, есть кому на старости лет его кормить.

Радовался на своих сыновей глядя: хорошими охотниками те стали.

Начнут парни погоста в меткости из лука состязаться, так лучше его сыновей стрелков не было.

Подошла пора сыновьям на охоту собираться. Стал старик им секреты свои открывать.

— Пойдёте,— сказал старик,— охотиться на верхнее озеро, там много оленя-дикаря пасётся. Подождите, когда стадо оленей озеро переплывать будет. Всякого оленя стрелять можно, но только не троньте вожака, гирваса.

— Всё сделаем, как ты сказал,— отвечали сыновья и пошли на верхнее озеро. Смотрят: и правда, большое стадо озеро переплывает. А впереди всех — гирвас. Гордо несёт он голову с огромными ветвистыми рогами.

Залюбовались братья: такого красивого и сильного оленя не всякий даже бывалый охотник добывал.

— Как же мы такую добычу упустим? — говорят братья.— Убьём гирваса — нам же весь погост завидовать будет.

Забыли они про отцовский наказ. Друг друга толкают, каждый свой лук удобнее ладит, метит в гирваса. Пустили стрелы. Вонзились они прямо в оленя. Затряс он головой, вспенились воды озера — и окаменел олень, в остров каменный превратился. А стадо, что за ним шло, без вожака повернуло обратно. Вспомнили тут братья про слова отца, да поздно было. Три дня и три ночи ходили они по тундрам, совсем обессилели, но ни одного дикаря больше не встретили. С тем и домой пошли.

Увидел их отец, обо всём догадался и сказал сыновьям:

— Из-за бахвальства вы от себя охотничье счастье на всю жизнь прогнали. Не быть вам охотниками. Идите с девками корзины плести.

А озеро с тех пор Гирвас-озером называть стали. Так и по сей день зовут.

Семилетний стрелок из лука

В далёкие времена на Нотозере стоял саамский погост Сийтнярк, что значит Погостовый Мыс, хорошее место для жилья. Нотозеро богато рыбой. Всякая она здесь: и сиги, и щуки, и хариусы, и кумжа в сети попадались. А по реке Туломе сёмга нереститься поднималась. И сейчас все знают: лучше сёмги рыбы в целом мире нет. И леса вокруг озера могучие стояли. Сосны — в три обхвата. А дичи разной, горностаев да куниц — видимо-невидимо. А по речкам и ручейкам бобры жили. Мужчины в тех местах охотой промышляли. Искусными лучниками были. И тупы себе из толстой сосны ладили. Мирно жили.

Как-то раз летом отправились саамы в лес за дичью. В погосте женщины, дети да один старик остался. Сил у него на охоту идти не было.

Женщины развели на берегу озера большие костры, поставили медные котлы с ольховой корой да трав разных в них положили, воды озёрной налили и начали сети красить. Обязательно красить надо, чтобы рыба их не боялась. На берегу озера хорошо работать, ветерок там. Поэтому и комар не кусает.

Старик тоже здесь. Взял топор в руки да керёжу к зиме новую ладить стал. Керёжа — это саамские сани, на лодочку похожие. Зимой в неё оленя впрягут, и он с такими санями легохонько по глубокому снегу бежит.

Кликнул внука, чтобы тот стружку да щепки в костёр относил. Только внук у старика ленивый был. Носил он стружки в костёр, носил, солнышко пригрело, спать ему захотелось. Взял он большую охапку стружек да и бросил в озеро. А сам в тупу пошёл, спать завалился.

А стружки эти поплыли себе по Нотозеру и попали в реку Тулому. А на Туломе в это время чудь разбойничала. Увидели чудины, что по реке свежие стружки плывут, и догадались: где-то на озере саамский погост. А раз стружки в воду бросили, значит, нет в погосте мужчин. Взрослый саам никогда в воду стружек не бросал, знал: они путь врагу указать могут. Подобрались чудины к озеру поближе и стали ночи ждать: на спящих напасть всегда легче. А разведчиков своих вперёд отправили, чтобы дорогу поудобнее к погосту нашли.

Разведали всё те, идут обратно, не прячутся, радуются лёгкой добыче. В погосте одни дети да женщины.

А тут одна саамка в лесу хворост собирала. Увидела она чудинов, поняла, какая беда к ним идёт. Пошла потихоньку за ними следом и дорогу в лагерь разбойников высмотрела.

Вернулась она в погост, собрала всех, кто в нём был, и рассказала, что видела. Заплакали женщины и дети:

— Чудь пришла, всех нас убьёт. А нам и защищаться нечем. Мужчины на охоту ушли, все луки и стрелы с собой забрали.

У той саамки муж большой охотник был. Много зверя добывал, да только однажды зимой с охоты не вернулся. Искала его женщина, искала, а нашла лишь лук его со стрелами. Вот тот лук со стрелами в погосте и был. Пошла женщина в тупу, достала из короба лук и говорит семилетнему сыну:

— Твой отец лучший стрелок был в Нотозере. Нет у меня в доме другого мужчины, кроме тебя. Пора тебе, мой семилетний сын, брать в руки лук, погост спасать надо.

Взял мальчик лук, попробовал натянуть тетиву, да сил не хватает. Заплакал он.

А мать говорит:

— Не плачь, слёзы сил не прибавят. А нам с детьми маленькими да стариком далеко не уйти. Догонят чудины и всех нас убьют.

Высохли у мальчика от этих слов слёзы. Почувствовал он, как силы у него прибавилось. Взял опять в руки лук, вскинул его. Тетива легко натянулась. Увидела женщина это, обрадовалась. Говорит всем:

— Прячьтесь в ямы и сверху дёрном закрывайтесь, сидите тихо. А я с сыном к врагам нашим пойду.

Спрятались женщины и дети в ямы, сидят тихо, дети плакать не смеют. А мать с сыном к разбойникам потихоньку подбираться стали. Чудины в это время пировали. Говорит она сыну:

— Видишь разбойника, в латы с головы до ног закутанного? Чуэт-Ахкам его имя. Он главный разбойник. Если его убить, чудины разбегутся.

Стал мальчик целиться в Чуэт-Ахкама. Да только трудно чудина убить. Весь он в латах железных.

В это время Чуэт-Ахкам большой кусок мяса в зубы взял, одной рукой придерживает, а другой, в которой нож, перед самым ртом отрезает маленькими кусочками.

Сказала мать мальчику:

— Попади ему в нож.

Натянул мальчик тетиву, пустил стрелу. Попала стрела прямо в нож, тот вонзился в Чуэт-Ахкама и убил его. Испугались чудины, побежали в разные стороны. Решили: это домой охотники вернулись и на них напали.

Пришли мать с сыном в погост, позвали всех:

— Теперь уходить надо.

— Враги знают, где наш погост. Позовут новую силу и снова придут грабить.

Собрали женщины своих оленей, что по лесам паслись. Добро стали в короба складывать. А в это время охотники из лесу вернулись.

Похвалили мальчика:

— Теперь ты настоящий мужчина, будешь с нами на охоту ходить.

А времени мало. Надо новое место для жилья искать. Жалко всем с Нотозера уходить, да делать нечего. Стали добро на оленей класть. На первого, самого сильного, оленя — короб с сушёной рыбой да вяленым мясом. На второго, самого смирного, самого мудрого,— слева мешок с разной кладью, а справа зыбку с малым дитём. Котлы, ковшики для супа, плошки — на третьего. Верхом на оленей детей малых посадили. Оленей друг с другом связали одной хигной — верёвкой, сплетённой из сухой травы. Хозяин первого оленя хигну через себя перекинул и потащил всех оленей за собой. А хозяйка за конец хигны держится, рядом идёт, родимая душа, около самого хозяина. Так и пошли на новое место счастья искать.

Охотник

Мальчик, который Чуэт-Ахкама убил, вырос в отличного охотника. Женился, дети у него подросли. Только его всё в родные места тянуло, которые из-за чуди бросили. Взял он жену, сына и дочку и вернулся на Нотозеро. Поставил вежу так, что её найти никто не мог. И стал там жить и охотиться. Много зверя и дичи домой приносил.

Семья его хорошо жила, нужды не знала. Да только жене в том лесу скучно было.

— Что это мы одни живём, никого не видим,— говорила она мужу.— Совсем лесными людьми стали. Никто в гости к нам не придёт.

— Ты бы,— отвечал ей охотник,— лучше порядок в веже навела, новые сети сплела, вот тебе и не скучно было бы.

Ленивая жена у охотника.

— Всё работать да работать. Надоело мне! — ворчит она.

Рассердился охотник, пообещал проучить как следует за такие слова и ушёл диких оленей промышлять. А жене сказал:

— Мусор в реку не выбрасывай, а то гостей накличешь.

Ушёл охотник, а женщина кое-как вежу прибрала, пошла мусор выносить да и бросила его в воду. По-своему сделала: «Может, кто увидит и в гости заглянет».

Поплыл мусор по реке, и увидела его чудьюльквик — пешая рать со своим предводителем Чудэ-Чуэрвем. Поднялись чудины по реке и нашли вежу охотника.

Увидела их женщина, обрадовалась: сразу сорок человек в гости пришли.

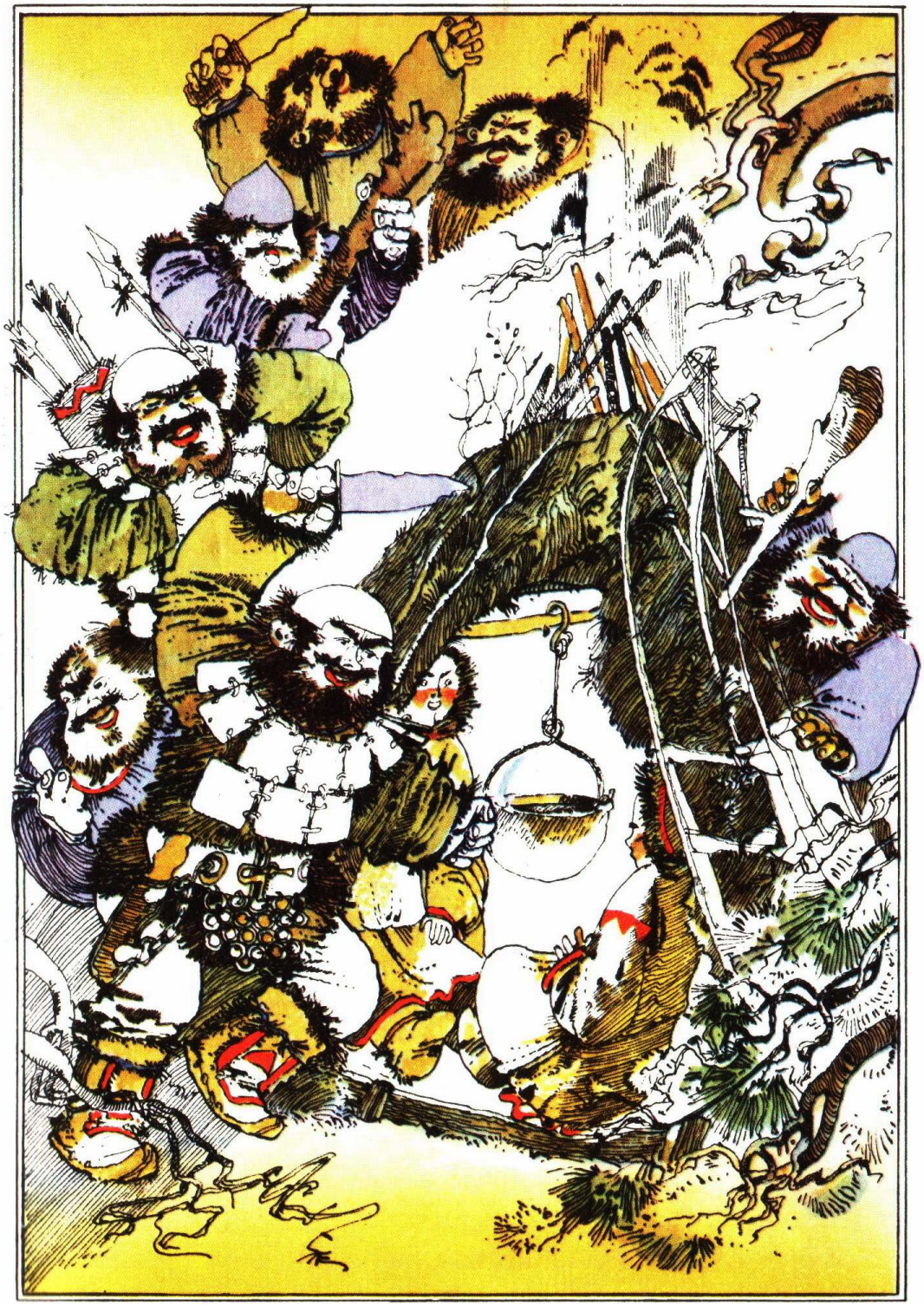
Стала женщина разбойников в вежу приглашать.

— Проходите,— говорит,— не бойтесь. Мой муж охотник, ушёл диких оленей промышлять, не скоро вернётся.

Угощает она гостей, мясо варит. Пирует чудь. Уговаривает женщину и её дочь с ними уйти. Обещает им платья нарядные да жизнь весёлую в большом погосте. Хочется женщине и дочери её с чудинами уйти, но боятся они охотника.

Решил тогда Чудэ-Чуэрвь охотника погубить. Обрезал он у женщины её длинные красивые волосы и сделал из них силья — силок, ловушку. А силья из женских волос даже богатырю не разорвать.

Спросил у женщины, через какую дверь охотник домой войдёт.



— Через чистую,— отвечает хозяйка.

У саамов и на охоту и с охоты охотник через особую дверь проходил. Это — чтобы удача на охоте была.

Поставил разбойник силья у чистой двери. Своих людей в амбар спать отправил, а сам в веже улёгся.

Вернулся ночью охотник и запутался в сильях. Чудэ-Чуэрвь с женой охотника схватили его и к столбу в веже привязали.

— Мы,— говорят,— тебя утром убьём, спешить некуда.

Подождал охотник, пока Чудэ-Чуэрвь и его жена-предательница уснули, и стал звать дочь свою:

— Доченька, доченька, проснись, развяжи мне руки!

А дочка ему отвечает:

— Если помогу тебе, ты не пустишь меня к чудинам, а я хочу в их погосте жить, они мне платья новые обещали. Не развяжу тебе руки.

Отвернулась дочь к стенке и ещё крепче уснула.

Стал тогда охотник сына звать:

— Сыночек, сыночек, проснись, развяжи мне руки!

Крепко спит мальчик, маленький ещё.

Что делать охотнику? Скоро уж утро наступит. Проснутся чудины. Опять зовёт он сына. Услыхал его сын. Проснулся, бросился к отцу, стал силья развязывать, да не может, крепко узел завязан. Взял тогда мальчик из-под подушки у Чудэ-Чуэрвя саблю. Боится отца поранить, а всё же верёвки режет. И освободил отца от них. Рассказал ему, что в амбарах сорок разбойников спят. Велел ему отец на берегу озера спрятаться, а сам к амбарам пошёл. Подрубил у амбара матицу, которая крышу держала, упала та и врагов придавила. Тем, кто вылезти успел, охотник саблей голову отрубал. Видит, все враги погибли. Вернулся в вежу и сел на старое место, верёвки на себя накинул — будто связанный.

Проснулся утром Чудэ-Чуэрвь, радуется — такого сильного человека победил.

— Знаешь,— говорит он охотнику,— какой мне нынче сон приснился? Как будто сорок мух одного ворона склевали так, что остались от него одни кости. А ты что видел, саамский сын?

— Видел я,— отвечает охотник,— как один ворон сорок мух склевал и ещё двух доклюёт.

Сунул Чудэ-Чуэрвь руку под подушку — нет сабли. Догадался он тут, о каком сне охотник рассказывал, стал у него пощады просить. Да только нет разбойникам никакой пощады. Убил охотник Чудэ-Чуэрвя. Взял потом свой лук и стрелы, посадил в лодку жену, сына и дочь, и поплыли они по большому озеру подальше от этих мест. Увидел охотник остров, причалил к нему. Вывел жену и дочь на берег и сказал:

— Здесь я вас оставлю. Живите сами, коль предали меня.

Стали мать и дочь спорить, кто из них виноват больше. Спорили, спорили до самого вечера, так и окаменели. На том острове по сей день два серых камня стоят.

А охотник с сыном забрали из погоста бабушку и отправились на другое озеро — новую жизнь начинать. Но об этом уже другая сказка.

Брат и сестра

В давние времена жили в одном погосте брат и сестра. Рано у них родители умерли. Сестра красивая девушка была. Многие парни на неё засматривались.

А брату всего семь лет. Кто сестру сватать ни приходил, всем она отказывала:

— Вот брат подрастёт, тогда и замуж пойду. А то ещё обижать его в доме мужа будут.

Так и жили они с братом вдвоём.

Пошла раз девушка на родник за водой, а ковшик дома забыла. Смотрит, у родника красный ковшик лежит, красивый, глаз не отвести. Набрала девушка этим ковшиком воды. А тут из леса Тала-медведь вышел.

— Раз,— говорит,— моим ковшиком воду набирала, быть тебе моей женой.

Испугалась девушка, что было сил домой побежала. Рассказала брату, как Талу у родника встретила.

— Не ходи больше в лес,— брат ей говорит,— сам воду носить буду.

И вокруг вежи город делать начал — забор из жердей, чтобы Тала не прошёл. Хороший город получился, не пробраться через него Тале.

Много времени прошло, забыла девушка про свой страх и снова пошла в лес с подружками по бруснику. Тут её Тала и подкараулил. Посадил в вукс — мешок кожаный, взвалил на плечи и понёс к своей веже.

Пришли подружки из леса, рассказали брату, как Тала его сестру утащил. Поплакал брат: лет ему мало, сил немного. Но всё равно пошёл Талину вежу искать.

Пришёл в лес. Стоит вежа Талы, а дверей в ней нет. Как войти, не знает. Только три раза вокруг вежи обошёл — сам в медведя превратился.

Закричал тогда брат грозным голосом:

— Отдай, Тала, сестру.

Вышел Тала, смеётся.

— Иди,— говорит,— вырасти из медвежонка в медведя, потом я с тобой бороться буду. Да смотри, чтобы тебя охотники не поймали.

Убежал брат-медведь в леса силу нагуливать.

Вид-то у него звериный, а ум человечий. Никакому охотнику его не достать, а Тала про это и не подумал.

Брат на оленей охотится, деревья с корнем вырывает и растёт быстро, как медведи растут. Силу нагулял, пришёл опять к Талиной веже.

— Выходи,— говорит,— бороться будем.

Вышел Тала, смеётся:

— Ты хоть силу и нагулял, да всё равно я сильнее.

Стали бороться. Побеждает Тала.

Испугалась сестра, из вежи выскочила.

— Не убивай,— говорит,— моего брата, отпусти на волю.

Отпустил Тала его. Подбежала к брату сестра:

— Моя жизнь уже пропала, так ты хоть свою не губи. Обойди вежу Талы три раза в обратную сторону — человеком станешь.

— Нет,— брат ей отвечает.— Пока я медведь, у меня сил будет столько, сколько у Талы.

И ушёл опять в лес силу нагуливать.

А Тала хвастает:

— Найдут охотники твоего брата. Сил у него много, хитрости мало. А меня никто не победит, пока не узнает, где смерть моя.

«Вот бы у Талы узнать, где смерть его»,— думает сестра.

Накормила его однажды получше, напоила и стала выпытывать.

Тала и сказал:

— Надо пошевелить камень, что у озера лежит, откроется тропинка. Пойдёшь если по ней, медведя встретишь. Скажешь ему: «По Талиному велению иду». Он пропустит. Потом волка встретишь, то же самое сказать надо. Потом росомаху. Тропинка к большому

озеру приведёт. У берега лодочка без вёсел. Сказать надо: «Вези, лодочка, так Тала велел». Она сама на остров привезёт. Там орёл сидит, у него три яйца. Вот в них-то моя смерть.

Запомнила всё это сестра, стала брата поджидать. Он нет-нет да навещал сестру потихоньку от Талы. Рассказала сестра ему про Талину смерть. Обрадовался брат, обошёл вежу три раза и человеком стал. Только сила у него медвежья осталась. Пошёл на берег озера. Много камней перекатал, пока нужный не нашёл, под которым тропинка показалась. Пошёл по ней — встретил медведя.

— По Талиному велению иду,— сказал брат, и медведь пропустил его.

Дальше волка увидел.

— По Талиному велению иду,— опять сказал брат. Пропустил и волк.

Росомаху встретил. Сказал ей:

— По Талиному велению иду.

Лодка без весёл на остров перевезла.

А вот что орлу сказать надо, хитрый Тала не сказал сестре.

Стал брат с орлом бороться. Выкатилось из гнезда одно яйцо. Наступил на него брат. Тала, хоть и далеко был, тут же почувствовал: кто-то к смерти его подбирается. Побежал к камню, пошевелил его, тропинка открылась. Всех своих сторожей Тала с собой взял. Добежали они до озера, а лодки нет. Пришлось им вплавь на остров добираться. А брат уже у орла второе яйцо отобрал. Тут у Талы почти и сил не осталось, еле плывёт. Видит брат: Тала уже близко, а с ним все звери Талины. Из последних сил до третьего яйца дотянулся, разбил его.

Тала в тот же миг и утонул.

А орёл, что Талину смерть берёг, был ему верным слугой.

Схватил он брата и улетел с ним в небо. Там они оба в полярные сияния превратились.

Так и не дождалась сестра любимого брата. Вернулась в погост, долго его оплакивала. А как зима настала и ночь полярная пришла, засверкало на небе полярное сияние.

Вышла как-то девушка на улицу, слышит, будто брат её зовёт. Подняла голову — а он сиянием на небе ходит.

И вспомнила она старое поверье: если две палочки, гладко оструганные, в снег воткнуть и покрутить ими до скрипа в снегу, то лучик сияния к ним опустится.

Острогала она быстро две палочки, воткнула в снег, лучик от сияния к ним и потянулся.

А по нему брат её любимый на землю спустился.

Погостил у неё немного, а в полночь ему опять на небо надо.

Так и живут теперь брат и сестра — ждут чистую морозную ночь, чтобы вновь встретиться.

Заклятая гора

У саамов, как только варака покрасивее или островок какой, обязательно про те места сказка сложена.

Так и про заклятую гору эту.

Стоит она в Ловозерских тундрах (в наших местах все горы тундрами зовут). И как будто гору эту ножом кто на две половины разрезал. Как каравай хлеба. Про неё даже две легенды сложили.

В одной вот что сказывают.

Давно это было. Ходила на Кольскую землю чудь. Никакого покоя от неё! А в тот год особенно чудь лютовала. В полон людей не брали: придут, всё добро отберут, а людей — и малого и старого — всех поубивают. Ближние погосты чудь уже разорила, за те, что в лесах и в горах стояли, принялась. Собрались саамы, а победить чудь не могут. Чудь в латы закована, и ружья у них самострельные. А у саамов-то лук да стрелы.

Не выдержали саамы и побежали от чуди. Саамы в леса — и чудь в леса, саамы в горы — и чудь в горы. Нет от неё спасения. Стал народ своих нойдов-колдунов просить, чтобы сделали что-нибудь, иначе враг всех перебьёт. Собрались нойды на совет, выбрали самого сильного и говорят:

— Ты колдуй, а мы тебе помогать будем.

Подошли нойды к большому сейду — камню, в котором дух жил: он саамам всегда в охоте да в рыбной ловле помогал. Много таких сейдов по всей Лапландии стоит и у каждого чуэрвькарт — рога, которые сейдам саамы в жертву приносили, духов замаливали. У некоторых сейдов этих рогов целые горы лежат.

Выбрали нойды самого быстрого оленьего вожака — гирваса, убили его, рога сейду положили, весь камень оленьим жиром намазали, чтобы просьбу выполнил. И колдовать начали. Один нойд жертвенные рога пошевелил — и снежную бурю вызвал.

Остановилась чудь, ждёт, когда буря утихнет. Стала лагерем. А саамы к горе подошли — и бежать им дальше некуда. С одной стороны чудь лагерем стоит, с другой — гора неприступная. Подошёл к чуэрвькарту старик нойд. Стал жертвенные рога шевелить, заклинания говорить. Вдруг земля дрогнула — и неприступная гора на две половины разломилась. А в ней пусто. Как будто вежа

большая стала. Вошли туда саамы, гора сама собой закрылась.

Один человек только снаружи остался. Это был переодетый чудин. Он к саамам пробрался, чтобы разведать, что и как. И всё слышал, о чём нойд говорил. Побежал он к главному чудину, рассказал, что видел и слышал. Радуются чудины: «Теперь мы саамов всех разом в этой горе поймаем».

Переждали чудины бурю, пошли к сейду, рога пошевелили, заклинание произнесли. Дрогнула земля, гора на две половины раскрылась. Вошла в неё чудь — и гора тут же закрылась. Да только саамов там уже не было. Старик нойд другое заклинание внутри горы сказал, и все саамы с обратной стороны горы вышли. А этого заклинания чудины не слышали. Так они в той горе все и остались.

Правда, была у чудинов в плену одна девушка-саамка. Чудины её с собой в гору взяли. Стал её отец просить главного нойда ещё раз гору раскрыть, чтобы дочку спасти. Долго нойд не соглашался. Но потом уступил. Пошевелил жертвенные рога, произнёс заклинание — гора раскрылась, да так стоять и осталась. Много там чуди погибло. И саамская девушка тоже. Всех гора погубила. Похоронили саамы девушку у той горы, разошлись по родным погостам новую жизнь, без чудинов, начинать. А через ущелье это большая река потекла.

А вторая легенда совсем по-другому сложена.

Давно это было. Стоял в тех местах большой погост. Жила в нём девушка — такая красивая, что со всех концов к ней свататься саамы приезжали. А она всем отказывала. Любила она бедного юношу из их же погоста. Да только её родители и слышать о бедном муже для дочери не хотели.

Как-то раз приехал к ним в погост богатый норвежский купец. Увидел он девушку, и сразу она ему в сердце запала. Стал к старикам сватов с богатыми подарками засылать.

Старики радуются, какой у дочери жених. Новые платья меряют. Заморский ром пьют.

— Пойдёшь за купца,— говорит отец,— и всё тут.

Плачет девушка, а старики купца уговаривают:

— Девичьи слёзы — вода одна. Привыкнет к тебе и плакать перестанет.

Очень жалко им богатые подарки отдавать. Уговаривают они купца скорее девушку в Норвегию увезти. Собрался он в дорогу. Одарил стариков так, что до конца дней им добра теперь хватит. И поехал с молодой женой через реку в норвежскую сторону. А девушка просит его:

— Дай мне хоть с этого берега на родную землю посмотреть, с погостом проститься.

Вышла она на берег реки. Видит: на другой стороне стоит её любимый, прощается. Слёзы горькие из глаз его льются. Протянули они друг к другу руки, а река между ними широкая.

Девушка плачет: не жить ей на чужой стороне без любимого, всё одно с тоски умрёт.

И говорит она:

— Раз не суждено мне счастья в родном погосте, пусть хоть камнем, но на своей земле останусь.

Только эти слова произнесла, как и она, и её любимый в камни превратились. Да не просто в камни, а в две кегоры — скалы по разным берегам реки. И так эти кегоры друг на друга похожи, будто кто гору надвое разрезал да реку между ними пустил. И такие эти скалы большие, как любовь бедного юноши и красивой девушки.

Волшебный котёл

В саамской семье большая ценность — котёл. Ложки, плошки, короба саам когда угодно сам сделать мог. Лишь бы дерево, берёста да руки были. А с котлами хуже. Их покупать в Коле надо было. А купцы хитрые, драли с саама втридорога. А где до Колы котлы брали, уж сейчас не вспомнить. Наверное, купцы да менялы разные их из-за морей привозили. Так что котлу в любой веже — почёт и уважение.

А что котёл любит? Чтобы его в чистоте держали, бока ему не мяли, палками не били. Тогда сияет котёл над очагом, суп варит, хозяев радует.

Жили на далёком озере старик со старухой. Были они лесные саамы. И была у них дочь. Выросла она, невестой стала. И жених ей, красивый парень, нашёлся из большого погоста, что на берегу моря стоял. Подарки старикам привёз, о свадьбе договорились.

У саамов свадьбы зимой да весной играют, когда работы мало. Летом какие свадьбы? Рыбу ловить и сушить надо. Да мало ли какой другой работы в светлое время!

Лесные саамы летом к озёрам переселялись, где оленю корма побольше да гнуса всякого поменьше. А те, что морем жили, так на месте и оставались.

Загрустила старикова дочка. Скучно ей без жениха. Он в погосте своём у моря. Он там — первый рыбак. Рыбу добывает, вестей о себе не подаёт.

Любит рыбак свою девушку, да как ей об этом через тундры и вараки скажешь? Озеро лесное далеко от моря лежит.

Скучает девушка по жениху и думает: «Там в погосте большом вечеринка! Девки, парни пляшут, песни поют. А я тут одна сижу».

А старики переживают: любимая дочка не ест, не пьёт, не спит — совсем больная. Что ни спросят, в ответ одно слышат:

— Скучно мне!

Старики думают-гадают: «Что делать? Ехать с девушкой в погост? Дочке хорошо — нам худо! Что будем делать у моря без морской снасти? Тут остаться? Нам хорошо — девке худо».

Вышел старик из вежи и пошёл к котлу.

Совсем старый этот котёл был. Деды и прадеды в нём сети красили. И старику он ещё верой и правдой служил. Холили его старик со старухой, чистили, всегда его медные бока солнцем отливали. Любил старик с котлом разговаривать. Что неладно в доме — старик к нему за советом. Постучит по нему легонечко, чтобы котёл проснулся, и слушает. Так прадеды его тоже делали.

Постучал старик по котлу. Тот проснулся, спрашивает:

— Ну, что тебе, хозяин, надобно? За каким делом пришёл?

Сел старик рядом с котлом и говорит:

— Да вот, скучно всё дочке.

— И верно,— котёл отвечает.— Было время, тут веж стояло много, людно было. Не то что теперь.

Опять говорит старик:

— Беда у меня, дочка совсем извелась. Одно только и слышим от неё: «Скучно!» Сколько лет в тундре живу, слова такого не слыхивал. Помоги, котёл, сделай так, чтобы нашей дочке веселее было.

Звякнул котёл и говорит:

— Иди спать, что-нибудь придумаю.

Ушёл старик, а котёл встряхнулся, встал на правое ушко и покатился к морю, в большой погост, только ручка по камешкам забрякала.

Прикатил в погост. Слушает. Из одной тупы песни да пляски слышны. Подкатился под неё, взвалил на себя и скорее на озеро, где вежа старикова стояла.

Ночью проснулся старик, слышит: совсем рядом песни поют да пляшут. Выглянул на улицу. Чужая тупа стоит. А в ней молодёжь веселится. Разбудил дочку.

— Пойди,— говорит,— попляши, пока весёлая тупа здесь.

Вошла старикова дочь в тупу. Поискала своего жениха, нашла. Обрадовался он. Пляшет с ней.

— Как,— говорит,— это ты хорошо придумала — в гости приехать.

Позвала она парня на улицу. Вышел он, удивился: моря-то нет! Вместо него — озеро.

— Приснилось мне это,— говорит парень.— В море ходил, устал — и заснул, наверное, на вечеринке. И тебя, невесту свою, во сне вижу.

Тут все на улицу высыпали.

— Батюшки,— кричат,— погост проплясали!

Девки заголосили, парни забегали. Не знают, что им делать. Старик из вежи вышел. Они к нему:

— Скажи, что случилось? Мы дома в родном погосте плясали, а вдруг на озере у твоей вежи очутились.

Старику и самому невдомёк.

— Ладно,— говорит,— идите плясать. А я пойду у большого котла спрошу.

Пошёл старик к котлу, постучал:

— Что теперь делать будем? Парни, девки испугались, что оказались в новом месте.

Сказал котёл:

— Исправлю что есть.

И старика спать отправил.

А девки, парни всё пляшут, пляшут. Совсем из сил выбились. Уж и утро настало. Выглянули они на улицу: на берегу озера стоят родные тупы, будто всю жизнь здесь стояли. Снасти морские лежат да карбасы на берегу озера. Все же они морскими жителями были. Как тут жить? Одно ладно: озеро большое, рыбой богатое. Что ж, видно, так тому и быть, раз уж сам погост от моря на озеро переехал.

Стали жить. Хорошо живут по сей день в том месте.

А старикова дочка скучать перестала. А зимой и замуж вышла.

Вот что простой котёл натворить может. Если, конечно, с ним ласково обойтись.

Старшая Голова

На реке Вороньей, что в Баренцево море впадает, стоял погост. Высокая скала его от моря защищала. Но когда на море прилив был, то по реке солёная вода до самого погоста поднималась. А когда в шторм волны в скалу бились, большой шум в погосте стоял.

Жил там в былые времена старик. Его все саамы уважали. Умный был. Прозвище ему дали — Старшая Голова. А вокруг погоста — ни лесочка, одни скалы, разноцветными мхами покрытые, да берёзки стелющиеся, да грибы. Летом саамы дрова на берегу моря собирали, которые прибоем выбросит. А зимой впрягали оленей в свои керёжи и за дровами подальше в лес ездили.

Раз собрались среди зимы мужчины за дровами. Запрягли в сто керёж оленей и поехали к лесу. С ними старик — Старшая Голова. Приехали к лесу, оленей пастись оставили. Олень, он и зимой свой любимый корм — мох-ягель — из-под снега достанет. Остался около керёж только Старшая Голова.

Вдруг откуда ни возьмись чудь пришла. Смотрит: олени пасутся, и только один старик с ними. Обрадовались чудины.

— Мы тебя не убьём,— говорят,— ты нашим проводником будешь. Чтобы всю нашу чудь к ночи в погост привёл!

Подумал старик, подумал и согласился:

— Пусть будет по-вашему. Я керёжи с дровами в погост привезти должен. Вы вместо дров в керёжи ложитесь да с головой шкурой оленя прикройтесь. Вас никто не увидит, так и поедем. А то вокруг погоста и леса нет. Далеко видно, кто в гости идёт.

Обрадовались чудины: как старик ловко всё придумал! Поймали оленей, впрягли в керёжи. Улеглись в них. Старик хигной все керёжи друг с дружкой связал, один конец через плечо перекинул и пошёл в погост. Главный чудин спрашивает:

— Зачем это ты все керёжи вместе связал?

— Да чтоб ни один олень в сторону не отбился. Вы,— говорит,— лежите тихо, а как в погост войдём, я так и скажу: «Приехали».

Идёт старик, тянет за хигну передового оленя. «Надо совсем ночью прийти,— думает,— чтобы в погосте все уже спали. А то ещё встречу кого-нибудь, всё дело испортить можно».

Ночь уже наступила, да и погост близко. Вдруг слышит главный чудин: шум большой.

— Что за шум? — спрашивает старика.

— Да это солёная вода с пресной воюет. Сейчас совсем тихо лежите, погост близко, не высовывайтесь.

Притихли чудины, лежат, пошевелиться боятся. А старик потихоньку в сторону моря повернул, к той скале, о которую волны разбивались. На Баренцевом море зимой шторма сильные. Тёплое течение Гольфстрим ему у Мурманского берега замерзать не даёт. К самому краю обрыва подвёл старик передового оленя да как стеганёт его!

Не стерпел олень такой обиды — рванулся со скалы. И все сто керёж в море упали. А старик стоит на скале, причитает:

— Прости меня, мой любимый олень, мой гирвас. Не мог я по-другому погост спасти.

Только он это произнёс, как все олени, что в воду попадали, в скалы превратились. Эти камни по сей день называют Сто скал.

Наутро саамы из лесу в погост вернулись.

— Ну,— говорят,— Старшая Голова, мы дров нарубили, пришли, а ни тебя, ни керёж нет. Видно, совсем ты, старик, стар стал.

Ничего не сказал старик, к скале подвёл. Увидели тут саамы эти Сто скал — всё поняли сразу. Неловко им стало перед стариком, а он рукой махнул и в вежу пошёл. Устал очень, спать повалился.

Налэть

Была у одного нотозерского старика дочь-красавица. Плохо им жилось. Дичи в лесах мало стало, и олени, главные кормильцы саамов, давным-давно в этих местах перевелись.

Посватал дочь старика парень из Семиостровского погоста.

Подумал старик да и отдал за него дочь. Сытно в том погосте саамы жили.

Прошло после свадьбы полгода. Заскучал старик, решил дочь навестить.

Приехал к зятю в погост. Хорошо старика приняли. На почётное место посадили. Мясом важенки и пойдой — салом оленьим — угостили. Огляделся старик, а оленей-дикарей на вараках у погоста и не сосчитать. Почему это им счастье такое? Наверняка нечистое дело! Стал старик ходить, всё высматривать. Увидел сейд, а вокруг него чуэрвькарт — целую гору жертвенных рогов. Вытащил он один рог из земли, отрубил у него верхушку да на место поставил, а остальную часть — налэть — себе взял. Спрятал подальше, чтобы никто не увидел.

«Поставлю,— думает,— этот налэть у своей вежи. Может, и мне оленье счастье выпадет».

Вернулся старик домой и скорей в тундру, на горный хребет поднялся — к своему сейду и положил под него налэть.

Немного времени прошло, пошли семиостровские олени на запад. И собрались все на той тундре, где старик налэть спрятал,— целые стада! Нотозерские, туломские, печенгские охотники в ту тундру ходить стали.

А ягель там богатый был. С хороших кормов олени-дикари жирными стали. Тундры те по сей день Сальными тундрами зовут. А саму гору, где старик обрубок рога — налэть — спрятал, назвали Налэтьпоарр — Горный хребет обломка оленьего рога.

Хорошо стали жить нотозерцы. А семиостровцы видят: обеднели их охотничьи места, ушли олени в нотозерскую сторону. Догадался тут стариков зять, что не

обошлось без колдовства тестя. Пошёл старика навестить. Смотрит: на Сальных тундрах полно оленей, а больше всего на горе Налэтьпоаррь. Огляделся вокруг, увидел большой сейд, а под ним обломок рога, что раньше у их сейда лежал.

Добрый был стариков зять. Разрубил налэть и только половину её с собой взял, а вторую под сейд снова положил. Часть оленей-дикарей за зятем на восток пошла, но и в Сальных тундрах столько осталось их, что и по сей день там водятся.

Как старуха погост от чуди спасла

Невысоки Хибины, вершины у них временем сглажены, все в трещинах, как в морщинах, трудно с непривычки по ним ходить. И жили там в давние времена горные саамы. Каждая семья — далеко друг от друга.

В одной из долин — Расмув, на юге Хибинских гор, стоял погост. И жила в нём одинокая древняя старуха. Не очень-то её в погосте любили, побаивались. Говорили, она нойда — колдунья. А старуха, хоть и лет много, хорошо на лыжах бегала. На охоту ходила, дичь себе добывала. Силья на куропаток ставила подальше от жилья. И только она эти места знала. Всегда полный мешок птицы приносила. Тем и жила.

Пошла однажды старуха на лыжах в свои места, да очень быстро вернулась. Смеются саамы:

— Что, старая, за соседней варакой теперь куропаток ловишь?

А старуха отвечает:

— Чудь на наш погост идёт. На лыжах они, не успеет солнце за горы зайти, здесь будут.

Испугались саамы.

— Что же делать? — спрашивают.

— Берите скорее детей и по крепкому насту в горы поднимайтесь, да идите так, чтобы следов не видно было. А два самых быстрых саама пусть траву сухую возьмут, что мы в каньги кладём, да скорее идут на тот склон, где весной лавины сходят. И всю дорогу до самого верха травой засыплют: подумает чудь, что мы по этому склону в горы ушли. А те двое пусть наверху останутся, чтобы чудь их заметила.

Долина Расмув на саамском языке — Травяная. Там много травы растёт. Саамы, чтобы мягко ходить было, сухую траву в обувь кладут. А когда идёт саам, она через верх каньг обязательно высыпается.

Послушались саамы старуху. Все с детьми и стариками по пологому склону ушли. А два брата, быстрые и ловкие, к лавинному, крутому подались. И весь его сухой травою засыпали.

Только они своё дело успели сделать, как показались чудины. Пришли — а погост пустой. Стали смотреть, куда саамы делись. Глядят: на одном склоне сухая трава дорогу прямо в горы наметила. Бросились чудины к этому склону. Лезут по нему, ногами топают, шумят. А тут ещё братья на вершине показались да по стреле в чудинов пустили. Совсем чудь раззадорилась, радуется: не ушли саамы далеко.

— Эй,— кричат,— лопцы! Подождите, мы сейчас до вас доберёмся, всех в полон возьмём!

Едва чудины до середины склона добрались, как оторвался от плоской вершины козырёк снега — большую лавину вызвал. Понеслась она — и всех чудинов засыпала. Никто не спасся.

Каждый саам, что в горах живёт, знает: лавина даже от громкого крика сойти может. И на каких именно склонах она сойдёт — это и отцы их, и деды, и прадеды знали...

Вот так умная старуха спасла погост.

О чудесном переезде с острова Кильдин

Отправились как-то несколько саамов на карбасе к острову Кильдин треску промышлять. На тройник ловили. Крючок такой большой на длинной верёвке за борт опускают и подёргивают. Треска поближе к берегу кормиться приходит целыми стаями. Как только рыбачье счастье на стаю выведет — знай себе дёргай. Рыбина какая хвостом зацепится, какая боком, а бывает, и по две на один поддёв вытаскивают.

Дёргали они треску, дёргали да приустали, решили к острову Кильдину пристать, отдохнуть немного, ушицы сварить. Вышли на берег — красиво кругом. Морошка розовая да жёлтая ковром землю устлала.

Сварили обед, ягод пособирали и решили поспать.

Сделали из паруса и трёх жердей куваксу да спать повалились.

Спали они, спали, а тут ветер поднялся, заходили по морю высокие волны. Проснулся кормщик и говорит вёсельщику:

— Пойди на берег, посмотри, цел ли наш корабль.

Пришёл вёсельщик на берег — нет карбаса. Бежит обратно, кормщика зовёт. Пошли они по берегу в разные стороны карбас искать. На другой стороне острова встре-

тились — ничего не нашли. Наверное, карбас в открытое море унесло. А остров Кильдин хоть и красив, да лесу на нём отродясь не было. Одна берёза карликовая по земле стелется. Из неё не то что плот какой сделать — костра толком не разжечь.

Делать нечего, пришлось остаться на острове, ждать да высматривать, не покажется ли где парус. В ту пору промышленников ещё мало на Мурманском берегу было. Прождали день, два, три — ни одна посудина к острову не приближается. Всю треску, что поймали, съели, все запасы кончились. Не от кого, видно, помощи ждать, надо как-то самим с острова выбираться.

А кормщик у них сыном нойда был. После смерти отца сам нойдом должен был стать. Вот его-то и попросили товарищи:

— Всё равно тебя отец своему умению с детства учил. Попробуй поколдуй. А то и мы пропадём, и ты с нами пропадёшь.

Подумал-подумал сын нойда и говорит:

— Как только куйпога сделается — когда вода во время отлива далеко-далеко уйдёт от берега,— дойдём до самой воды, расстелем парус, на одну половину ляжем, другой прикроемся. И я с вами буду.

Удивились саамы, спрашивают:

— А когда в прилив вода обратно пойдёт, мы ведь все утонем!

— Нет,— говорит кормщик,— не потонете. Только уговор один выполнить надо. Что бы вы ни услышали, из-под паруса не выглядывайте, лежите — не шевелитесь.

Сделали рыбаки всё, как им сказано было. И уговор обещали выполнить.

Долго они так под парусом лежали, уж и терпение всё кончилось. Вдруг услышали шум. Сначала тихий-

тихий, а потом всё сильнее и сильнее, как будто много рыбы играет. Не утерпел вёсельщик. «Дай,— думает,— посмотрю, что за шум такой». Стал парус открывать, чтобы выглянуть. Но кормщик увидел это и закричал:

— Кто это уговор нарушает?!

Вёсельщик жалуется:

— Ой, братцы, у меня бок подмокать начал!

— Лежите тихо! — снова кормщик приказывает.

Лежат все смирно, страшно стало. А шум тот потихоньку стихать начал и вскоре вовсе стих.

Тут кормщик говорит:

— Ну, теперь и выходить можно.

Вылезли саамы из-под паруса — глазам не верят. Оказались они на другой стороне, на матёром берегу, у самого погоста. Удивились рыбаки: столько лет живут, столько лет рыбу ловят, но никогда не слыхали, чтобы на парусе кто по морю плавал. А кормщик посмеивается себе. Стали его рыбаки уговаривать: расскажи да расскажи, как всё это получилось. Он и рассказал:

— Пришла с приливом большая стая рыбы сайды, встала под нашим парусом, поплыла к матёрому берегу и нас на парусе потащила. Вёсельщик начал из-под паруса выглядывать, рыба тут погружаться стала. Поэтому и подмок он. А если бы ещё кто надумал выглянуть, сайда совсем бы ушла. Уговор всегда выполнять надо.

Как братья сестру из беды выручали

Жили у озера Имандра два брата с сестрой. Братья на охоту ходили, а сестра хозяйство вела да рыбу на Имандре ловила. Красивая была девушка. Много к ней

женихов свататься ездило, да не один из них братьям не нравился.

Васька из Пазрецкого погоста сватал. Не понравился братьям: шапка у него стара. Иван из Воронинского приезжал, да одежда на нём драной показалась. Мошников из Сонгельского приходил, да глаз у него кривой братья разглядели. И из Масельги жениха не приняли, и из Кильдинского погоста парень им не приглянулся.

Смеётся над ними сестра:

— Нет, наверное, погоста, из которого меня не сватали. Одно мне осталось — за Сталло-Стала замуж идти.

Испугались братья:

— Не смей даже в шутку такие слова говорить! Услышит Сталло-Стал — беды не миновать.

А Сталло-Стала, подводного жителя, никто никогда не видел. А вот дудочку его слышали. Выходит Сталло-Стал иногда на землю, в трубочку свистит. Кто тот свист услышит — обязательно с тем беда приключится. Так старики сказывали, и братья это знали.

Подошло время братьям на охоту идти. Наказывают они сестре, чтоб из дому не выходила. Дрова принесли в тупу, воды натаскали.

— Жди нас,— говорят,— через три дня дома будем.

Подождала сестра, подождала, да скучно стало. Всю работу в тупе переделала.

«Дай,— думает,— схожу на озеро. Рыбки наловлю, братцам ухи сварю».

Вышла девушка к озеру, села в лодку, оттолкнулась от берега. Только стала невод заводить, как выскочил из воды Сталло-Стал и утащил её.

Вернулись братья домой — нет сестры. Пустая лодка на воде покачивается, да круги большие по озеру идут.

Догадались они: это Сталло-Стал сестру украл. Загоревали, не знают, как им быть, что делать.

Пошли к нойду. Стали просить его, чтобы узнал, где их сестра, и научил, как её из беды выручить.

Достал нойд бубен, взял колотушку из оленьего рога. Тихонечко бьёт в бубен, а связка медных колечек от ударов по бубну прыгает, правду нойду показывает. Долго нойд судьбу девушки у того бубна спрашивал. Устал совсем. На землю повалился, уснул мертвецким сном. Стоят братья, комаров от нойда отгоняют, а сами все вопросы свои повторяют ему в самое ухо, чтобы тот не забыл, на что ответы искать.

Три дня спал нойд. Потом проснулся. Разжал руку, а в руке кольцо, что пропавшая девушка на поясе носила.

— Вот,— говорит братьям,— вам привет от сестры принёс. Замужем она за Сталло-Сталом, жителем подводного царства. Чтобы до вашей сестры добраться, надо из берёзовых прутьев верёвку сплести. Такой длины, которую семь лет плетут. Один из вас по той верёвке на дно озера спустится. Там трёх старух встретит. Это старшие жёны Сталло-Стала. Тоже земными девушками были. Они мужа своего не любят. Помогут вам его погубить. Старух этих вам слушаться надо.

Пошли братья домой, пригорюнились. Но делать нечего, другого пути нет. Нарубили берёзовых прутьев и стали верёвку плести. Семь лет работали. Потом жребий бросили. Выпало младшему на дно озера спускаться.

— Ты когда меня опустишь,— сказал он старшему брату,— верёвку обратно не поднимай, пока я её дергать не стану. Как дёрну, тогда и тяни.

Долго младший брат под воду спускался. Уже лето кончилось, зима настала, озеро льдом покрылось. И на дне озера тоже зима, сугробы кругом высоченные. Куда

идти — младший брат не знает. Вдруг почувствовал: дымком потянуло.

Пошёл на тот дым и вышел к веже.

Сидит в ней старушка, куделю прядёт.

— Что за горе тебя сюда привело, человек? — спрашивает.

Рассказал младший брат про свою беду.

— Мало чем могу тебе помочь,— говорит старушка.— Лыжи дам и опаса — проводника. А сначала садись покушай.

Положила она перед ним пол-оленя.

— Ешь,— говорит,— ни крошки не потеряй.

Как ни голоден был саам, да не смог всё мясо съесть. Покачала головой старушка:

— Не всё у тебя гладко выйдет, не всё.

Дала ему лыжи, клубок шерсти под ноги бросила. Идёт младший брат за клубком, ничего впереди себя не видит. Ночь полярная на земле и то светлей. А под водой ни месяца, ни звёзд не видно — совсем темно. Долго шёл, из сил выбиваться начал.

Чувствует: опять дымом тянет. Клубочек-опас у вежи остановился. Сидит в веже старушка постарше первой. Двух собак у очага кормит.

— Зачем пожаловал, человек? — спрашивает.

Рассказал ей младший брат про своё горе. И ещё о том, как у её сестры пол-оленя съесть не смог. Тоже покачала головой старушка:

— Не всё гладко выйдет у тебя, не всё. Дам я тебе двух собак своих да два каравая хлеба. Ты когда к Стал-ло-Сталу пойдёшь, собак на полпути оставишь. Возвращаться будешь — бросишь им эти караваи, они тебя и пропустят. А прежде к моей старшей сестре зайди, она оленя быстрого даст, который тебя от погони умчит. Но только слушайся во всём мою старшую сестру.

Взял младший брат собак, встал на лыжи, а клубочек-опас впереди него покатился. Докатился до вежи и остановился.

Смотрит младший брат: сидит в веже совсем древняя старуха.

— Давно тебя жду,— говорит.— Твоя сестра уже истосковалась. Пойди на вараку. Какого оленя первым встретишь, того и веди сюда.

Пошёл саам на вараку, лесную горушку. Попался навстречу чёрный олень, тощий-претощий, один рог сломан, ноги все о наст до крови стёрты. Засомневался младший брат, тот ли это олень, что ему нужен. Смотрит: а рядом белый красавец пасётся. Взял он белого оленя и повёл к веже. Посмотрела на оленя старушка, головой покачала:

— Не всё ладно у тебя выйдет, не всё. Плохо слушаешь, плохо делаешь.

Накинул младший брат оленю петлю на шею, конец верёвки в руки взял, встал на лыжи, собак кликнул и покатил к веже Сталло-Стала. Олень лыжника легко тянет. Быстро домчал брата. У вежи дети играют, три мальчика. Увидели его, закричали:

— Мама, мама, к нам дядя приехал!

Выглянула их мать за порог, увидела младшего брата, заплакала:

— Убьёт тебя мой муж!

Дала брату поесть и говорит:

— Поезжай обратно, скоро Сталло-Стал вернётся.

Послушался он сестру, поехал к древней старухе.

А в это время Сталло-Стал домой вернулся. Увидели его дети, закричали:

— А к нам дядя приезжал!

— Какой дядя? — он детей спрашивает.

— Материн младший брат,— отвечают.

— А какой олень у него был? — спрашивает Сталло-Стал.

— Белый, старухин, на котором она воду возит,— отвечают дети.

— Этого я догоню,— говорит Сталло-Стал.

Бросился Сталло-Стал в погоню за младшим братом. В одно мгновение догнал. Дунул в волшебную дудочку, засвистела та — брат и окаменел.

Белый олень один к старухе вернулся. Увидела она оленя, выдернула из вежи берёзовый прутик и пошла по следу брата искать. Нашла камень, которого раньше в том месте не было. Ударила по нему три раза прутиком — камень в человека превратился.

— Ох,— говорит младший брат,— уснул я, что ли?

— Мог бы и весь век проспать,— пробормотала старуха.

Привела его в вежу, отогрела, опять на вараку за оленем посылает.

— Возьми,— говорит,— того, что первым встретишь.

Пришёл брат на вараку, а навстречу опять чёрный олень.

«Ну,— думает брат,— уж если красавец белый от погони не спас, этот и подавно не спасёт».

Смотрит: рядом серый олень пасётся, гладкий, сытый. Выбрал серого оленя. Привёл к веже. Ничего старуха ему не сказала, только головой покачала. Накинул он оленю петлю на шею и поехал опять к веже сестры.

Только подъехал, дети, как и в первый раз, закричали:

— Дядя приехал, дядя приехал!

— Не смейтесь надо мной,— говорит им мать.— Ваш отец погубил моего брата.

И тут увидела она брата, целого и невредимого. Запричитала, заплакала.

— Уходи,— говорит,— быстрее! И кормить тебя даже не буду!

Послушался брат сестру, уехал.

Тут хозяин домой вернулся.

Дети ему говорят:

— А к нам опять материн брат приезжал. Олень под ним серый был, на котором старуха дрова возит.

— Ну и этот ничего не стоит,— сказал Сталло-Стал и бросился в погоню.

И полдороги саам не проехал, догнал его Сталло-Стал. Дунул в волшебную дудочку, и опять в камень брат превратился.

Вернулся к старухе серый олень. Выдернула она из вежи прутик, пошла младшего брата по следу искать. Смотрит: камень у дороги лежит. Раньше его тут не было. Ударила по нему прутиком три раза — камень превратился в человека. Встал младший брат на ноги и говорит:

— Как долго я спал!

— Да ты ещё дольше бы спал и вовсе бы не проснулся, если б не волшебный прутик,— говорит старуха.— В последний раз попробую дело поправить.

И посылает его опять за оленем на вараку:

— Первого оленя, которого встретишь, бери, а то беда большая будет.

Пришёл он на вараку, схватил чёрного заморыша, а тот упирается, идти не хочет. Еле-еле младший брат довёл его до старухиной вежи. Ничего на этот раз старуха не сказала.

Младший брат накинул на оленя петлю, встал на лыжи и к веже сестры поехал. Опять дети закричали матери:

— Брат приехал! Брат приехал!

Выбежала она ему навстречу, опять уйти просит.

— Сильно Сталло-Стал осерчал,— говорит.— Всех он нас погубит.

Повернул младший брат обратно. А хозяин тут как тут.

— Неужто опять твой брат здесь был? — спрашивает жену.

— Был дядя,— отвечают дети.— На чёрном плешивом олене приезжал.

Задумался Сталло-Стал. Такого оленя он что-то у старухи не видел. Бросился в погоню. Увидел издали младшего брата, ещё сильнее припустил. А брат стоит себе на лыжах, за верёвку оленя держит, а тот его быстрее ветра с вараки на вараку мчит. Полдороги уже проехали. Видит младший брат: Сталло-Стал его совсем нагоняет. А тут ещё собаки из-за кустов выскочили. Насилу саам вспомнил, что два каравая для них третий день за пазухой носит. Бросил их собакам, те его и пропустили. Добежал до собак Сталло-Стал, они на него набросились — на куски разорвали.

Повернул тогда саам опять к сестре. Та сидит плачет, брата любимого, что её выручать приходил, оплакивает. Да только дети опять кричат:

— Дядя приехал! Дядя приехал!

— Что-то вы, дети, путаете. Это отец ваш вернулся!

Вышла она из вежи, а тут брат стоит, чёрного оленя поглаживает.

Стали они в обратную дорогу, на землю, собираться. Сундук добра с собой взяли. Жалко матери детей. Они наполовину люди, наполовину — подводные жители. Что же с ними делать?

— У старухи древней спросим, как поступить. Может, посоветует что,— утешает брат.

Пришли они к веже старухи, а она уже их поджидает, угощение приготовила. Радуется: нет больше Сталло-Стала.

Стал младший брат старуху на землю звать.

— Нет,— говорит старуха.— Обо мне и память на земле уже стёрлась. Буду свой век здесь доживать. И ребят на землю брать негоже. Не жить им среди людей. Оставьте мне старшего. Нам вдвоём веселее будет.

Поблагодарили брат с сестрой старуху. Оставили старшего мальчика — и снова в путь. Шли-шли, дошли до вежи, в которой старушка собак кормила. Увидела их, обрадовалась. Нет больше её обидчика, нет Сталло-Стала. Брат с сестрой стали и её на землю звать.

— Нет,— отвечает она,— не пойду. Никого, с кем я раньше на земле жила, уж в живых не осталось. Буду тут век коротать. Оставьте мне среднего сына, нрав у него кроткий да весёлый, хоть он и Сталло-Сталов сын.

Поблагодарили брат с сестрой старушку. Оставили ей среднего мальчика и дальше двинулись.

Пришли к веже первой старушки, что клубок и лыжи младшему брату дала. Обрадовалась она им, как родне. Но на землю тоже вернуться отказалась. Попросила младшего сына ей оставить.

— Я ещё не так стара, успею себе кормильца вырастить. А вы возвращайтесь на землю. Поклонитесь от меня родной стороне.

И пошли они вдвоём — брат с сестрой. Шли-шли, наконец дошли до верёвки. Стали за неё дёргать. Потянул старший брат верёвку наверх, первой сестру вытащил. Опять верёвку спустил. Сундук вытащил. А в третий раз, когда брата тянуть начал, верёвка и оборвалась. Размокла: ведь целый год в воде была, пока младший брат ходил сестру выручать. Упал младший брат на дно озера.

Пошёл опять к старушкам, просит его горю помочь. Вывела ему самая древняя старушка чёрного оленя. Впрягли его в керёжу. Другая старушка опас-клубочек

дала, чтобы дорогу показывал. Третья — собак, чтоб в дороге охраняли. Сказала ему самая древняя старуха:

— Три года тебе из озера ехать придётся. Долго это, конечно, но брату твоему верёвку целых семь лет плести. Поезжай лучше — быстрее дома будешь.

Мчит чёрный олень, впереди клубочек катится, рядом собаки бегут.

Три года как день пронеслись. Выехал из озера младший брат. Увидели его старший брат и сестра — обрадовались. И зажили опять втроём, как и прежде.

Красивая Катерина

Давно это было. Жили у Семи островов муж да жена. Жену саама Катериной звали, и не просто Катерина, а Муччесь, что значит «красивая». Даже в Коле, среди русских, такой красавицы не было.

Хорошо жили, дружно. Муж в море ходил, зверя морского и рыбу промышлял. А когда и в лес на охоту выберется — оленя-дикаря добудет, куропаток принесёт. Так и жили бы они себе до самой старости.

Но однажды пристал к тому месту норвежский корабль. Увидели моряки саамскую жёнку, залюбовались её красотой. И был среди них купец. Так ему Катерина на сердце пала, что решил он её в жёны взять. Не хочет Катерина с норвежским купцом идти. Позвал он матросов — и силой её на корабль увели.

Плачет Катерина, причитает:

Муж мой любимый,
Увозит меня норвежец —
Кривые ноги, острое сердце.
Спаси меня!

А муж её недалеко силья на куропаток проверял. Услыхал он плач жены, бросился что было сил к веже. Да не успел.

Чёрным лебедем плывёт корабль, а на нём Катерина плачет. А муж её бежит берегом, просит купца вернуть жену. Посмеивается норвежец. Схватил саам лук, пустил стрелу. Да толку что? Не долетают стрелы до того корабля. Так бедный муж от Семи островов до Вороньего мыса и добежал без остановки. А куропатки, что у него за пазухой были, даже сварились.

Но вот силы его оставили, упал на землю. Три дня лежал, горевал. Да вспомнил, что дети малые в веже остались. Пошёл обратно. Детей растить да любимую свою Катерину домой ждать.

...Одного не знал норвежец — кривые ноги, острое сердце: насильно мил не будешь. Дарит он Катерине подарки богатые: платья красные, платки расписные. Да только ничего Катерину не радует. Не улыбается она, не смеётся, а только о любимом муже и о детках тоскует.

Рассердился купец. Заказал кузнецу три замка семифунтовых, запер Катерину. А сам в море ушёл.

Сидит Катерина за тремя замками, и всё ей родное Семиостровье видится. Вот дочка в веже чистоту наводит. Вот сын в дальнюю тундру на охоту пошёл. А вот муж любимый в море тюленя бьёт. Весна, солнышко землю пригревает. Радуется Катерина, что растут её детки. Подсказывает сердце: ждут они её — дождаться не могут.

Три года ходил на корабле купец по морям, по океанам. Вернулся домой ещё богаче, чем раньше. Таких Катерине подарков навёз, что в саамской стороне о них и слышать не слышали.

Не улыбнулась даже Катерина, на те подарки и смотреть не стала. Просит купца отвезти её в родные края.

Разозлился норвежец — кривые ноги, острое сердце. Запер опять её тремя замками семифунтовыми и ушёл в море на три года.

А Катерина все глаза выплакала, одно утешение: всё, что в родной веже происходит, как наяву видит. Так, наверное, всегда с любящими сердцами бывает. Никакая разлука им не помеха.

Выросли Катеринины дети. Дочь хороший охотник-саам сватает. Сын отцу на промысле помогает. Так и живут, и всё Красивую Катерину домой поджидают.

Вернулся через три года купец. Смотрит на Катерину — и узнать не может. Чёрной стала Катерина, волосы седые, глаза запали. Просит она опять норвежца:

— Возьми меня с собой в море. Хоть издали на родные места глянуть!

Дрогнуло сердце купца. Видно, любовь от разлуки ещё крепче становится.

Снарядил купец корабль, и пошли они в сторону Семи островов. А Катерина всё на палубе стоит, берег желанный высматривает. На третий день показались Семь островов. Не выдержала Катерина, бросилась с корабля в воду. Да только сил до берега доплыть не хватило. И стали её волосы водорослями морскими, бусы ракушками рассыпались, серьги морскими звёздами стали, а мешочек с рукоделием в морского ежа превратился. Плавает теперь Красивая Катерина у родимых берегов морской девой. И поёт печальную песню:

Увёз меня купец —
Кривые ноги, острое сердце.
Но не сумел отнять у меня
Моих любимых.
Разбилось в разлуке моё сердце.
Плаваю я теперь у родных берегов
Девой морскою.

Выйдет вечером на берег моря муж Катерины, послушает-послушает песню девы морской — и горько заплачет.

Некрасивая девка-нойда

То ли на берегу озера Имандра, то ли ещё на каком озере стоял большой саамский погост. Озеро рыбное было. А вокруг по кегорам да варакам много оленей диких паслось.

Девушки в том погосте все красавицы были. А на самом краю погоста стояла старая вежа, в которой жила девушка-сирота. И такая некрасивая, и оленей у неё не было. Никто её в жёны брать не хотел. Да ещё поговаривали, что она нойда, колдунья. Одни старались от неё подальше держаться, а другие говорили: «Какая она нойда, если ни оленей, ни жениха себе приворожить не может? Это дело любой колдунье по плечу. Просто некрасивая да бедная девушка». И жалели её: кто мяса принесёт, кто старую малицу. Один молодой саам очень её жалел, с охоты придёт — всегда мяса даст. А она его очень любила.

Только раз полярной ночью стряслась большая беда. Увидели саамы: через озеро идёт к ним чудь, сила огромная.

Испугались, куда бежать — не знают, кругом снег глубокий, догонит их чудь, всех перебьёт.

Тут девка-нойда и говорит:

— Я спасу погост, но только пусть этот парень, который меня больше всех жалеет, на мне женится.

А парень не хочет.

— Зачем мне такая жена некрасивая,— говорит,— когда в погосте девки одна другой краше.

Отвечают ему старики:

— Некрасивая девка — это не чудь. Возьмёшь её замуж — всех спасёшь.

Делать нечего, согласился парень.

Тогда девка-нойда говорит:

— Зарежьте жирную важенку. Мясо, пойду — сало оленье — и рога мне отдайте, я колдовать буду. А сами по домам прячьтесь, три дня на улицу не выходите.

Сделали саамы всё, как девушка велела, по домам спрятались. А чудь уже совсем близко. Слышно, как снег под полозьями их саней поскрипывает да олени рехкают. А девка-нойда мясо варит, оленьим рогом в котле помешивает.

Разыгрался тут буран. Да такой сильный, что и старики не помнили. Три дня бушевал. Снегу навалило столько, что вежи по самый ряппень — окошко на верху вежи — засыпало.

Девка-нойда мясо важенки поест да спать завалится. Первый раз у неё дома вдосталь сытно. Через три дня стих буран. Выбрались саамы из веж. Смотрят, а на озере под самым берегом новый остров стоит, снегом не прикрытый, большой, как сто сорок человек вместе с санями и оленями. Догадались они, что столько чудинов и было. Тот остров теперь Чудиным называется.

Посмотрели саамы вокруг, а девки-нойды не видно. Её вежу совсем снегом завалило. Заволновались саамы: не пропала б их спасительница. Стали вежу откапывать.

А некрасивая девка жива, ничего ей не сделалось. Она мясо важенки три дня ела досыта, мясной суп пила, спала вволю — и вроде краше стала.

Смотрит на неё парень и говорит:

— На такой девке можно и жениться.

Стали тут саамы всем погостом к свадьбе готовиться. Жених невесте новое платье подарил из синего сукна, оловянной проволочкой расшитое. И много колец на пояс. Совсем девушка красавицей стала. Три дня свадьбу играли, тридцать оленей съели. Вот как было.

Сказка о двух братьях

В давние времена не просто было сааму-бедняку найти себе жену. А уж бедной девушке замуж выйти и того сложнее. Разве какой старик вдовец возьмёт бесприданницу — за хозяйством присматривать.

Жила когда-то в Кильдинском погосте бедная девушка. Не было у неё оленей. И подарки своим будущим свёкру и свекрови сделать она не могла — не из чего. В то время такой обычай был: подарки родителям жениха каждая саамская девушка сама мастерила. Рукавицы меховые, бисером шитые, мешочки для иголок — свёкру; каньги новые — свекрови; рубаху — брату жениха; платок — сестре его. По тому, как невеста вещи эти смастерит да украсит, о ней и судили.

А девушка эта самая красивая в погосте была. Полюбил её молодой саам, и хотя родители не разрешали взять её в жёны, женился на ней. Рассердились старики, прогнали молодых и ни одного оленя им не дали.

Бедно жили молодые. Но были счастливы — любили друг друга. Саам охотой промышлял, девушка рукодельничала, рыбу ловила.

Да только родители саама на него по-прежнему сердились. Мечтали они его женить на старухе, у которой большое стадо оленей было. Много подарков они

злым нойдам делали, чтобы они молодых разлучили. Нойды за подарки колдовали, да всё не помогало.

Стали молодые ждать своего первого ребёнка. Пуще прежнего родители рассердились. Зазвали сына к себе, опоили его зельем — и забыл он жену.

Осталась она совсем одна. Все над её горем в погосте потешаются, никто не жалеет: закон нарушать нельзя. Поплакала она, поплакала да и пошла в лес. «Пусть,— думает,— меня дикие звери съедят».

Бредёт она по сугробам, с вараки на вараку переходит, видит след росомахи. «Дай,— думает,— пойду по нему, пусть меня росомаха съест». Долго шла, смотрит — олень, в снег закопанный. Это росомаха часть добычи про запас оставила.

Бедная женщина давно ничего не ела. Развела она костерок, мясо на углях поджарила, поела и спать прямо в сугробе легла. «Будь что будет»,— думает.

А росомаха запах костра учуяла и ушла. Проснулась бедная жена. «Дай,— думает,— я себе из снега жильё сделаю и поживу у этого оленя». Она из бедной семьи была, так что много чего делать умела. Построила вежу. Дров насобирала, сняла с оленя остатки шкуры, постель себе сделала. А тут и время родить пришло.

Родились у неё два сына. Надрала она берёсты, сплела им короба вместо люлек. Отрезала свои волосы, сильев наплела. Зайцы да куропатки в волосяные силья хорошо ловились. Детей в заячьи шкурки укутала. Потом осмелела — куниц да горностаев ловить стала. А пришла весна — отправилась пешком в Колу. Всё, что надо для хозяйства, там на шкурки куниц и горностаев себе выменяла. Вернулась — поставила вежу настоящую и зажила с сыновьями горя не зная. Такой охотницей стала, много зверя добыть могла, купцы сами к ней за товаром ездили.

Прослышал про это муж её, вспомнил, какая добрая и красивая жена у него была, приехал, да поздно — не приняла она его. Так с сыновьями в лесу жить и осталась.

Быстро росли парни. Многому их мать учила: и ветры распознавать, и следы зверей в лесу читать, и мастерить всё, что семье саамской надо.

Выросли братья богатырями. Время подошло — согнули они тонкие деревья в луки, натянули тетиву из жил оленя-дикаря, стрелы из оленьих костей да рогов сделали и стали сами охотиться. А потом и своё стадо оленей у них появилось. Теперь мать уже на охоту не ходила, а дома рукоделием занималась. Такие красивые каньги да койбицы шила, узорами расшивала, что в Коле за них большие деньги платили. Богато жить стали мать с сыновьями.

Много уж лет прошло, а родители мужа всё успокоиться не могут. Завидуют они, что одна таких сыновей вырастила. И задумали внуков своих погубить. Разыскали в лесу Адзь — нечисть лесную. Разного добра ей наобещали, если сумеет братьев-богатырей убить. А той, ясное дело, лишь бы горе кому принести. Согласилась Адзь.

Вот как-то раз собрались братья на охоту. Долго шли — нет оленей. Совсем в лесную чащу забрались. Вроде уже и домой пора возвращаться, да вдруг увидели они оленью тропу — такую утоптанную, будто только что стадо по ней прошло. Двинулись братья по тропе. А она на две разделилась! Где оленей искать? Выбрали братья себе по тропке и решили поодиночке счастья попытать. А прежде чем расстаться, воткнули в сосну каждый свой нож и разошлись в разные стороны. Идёт один из братьев, а навстречу ему горностай бежит. Натянул тетиву, смотрит: у горностая детёныш малень-

кий. Пожалел его охотник. А тот и говорит человеческим голосом:

— Пожалел ты меня, охотник. Возьми моего детёныша, пригодится он тебе.

Пошёл охотник дальше — осторожную росомаху встретил. Только её убить хотел, смотрит: и у росомахи детёныш. Не стал и росомаху убивать. Говорит ему росомаха человеческим голосом:

— Пожалел ты меня, охотник. Возьми моего детёныша, пригодится он тебе.

Пошли они дальше, охотник и два детёныша — горностая и росомахи. Долго шли, встретилась им на тропе медведица с медвежонком. Не стал охотник и медведицу убивать. Отдала она доброму охотнику медвежонка.

Пошли они дальше все вместе. И пришли к небольшой веже. Хочет охотник в неё войти, а зверята не пускают, под ноги ему кидаются. Не послушался он, вошёл в вежу, а там Адзь сидит, в старушку обратилась. Куделю прядёт. Выронила старушка веретено. Нагнулся охотник поднять его, старушке подать — и в тот же миг окаменел. И звери, что с ним были, в камни превратились.

А другой брат шёл по своей тропе долго-долго. Вышел к большому стаду оленей-дикарей. «Вот славная охота будет,— думает.— Надо бы за братом вернуться. Вдвоём мы много оленей добудем». И пошёл по тропе назад. Дошёл до развилки, вытащил нож брата, смотрит — а нож поржавел. Заспешил охотник: значит, с братом беда. Бежит он по братовой тропке, видит: горностай плачет. Охотник было лук поднял, да не каждый день плачущего горностая в тундре встретишь. Не стал его убивать. А зверёк ему и говорит:

— Возьми меня с собой. Твой брат с моим детёнышем в беду попали.

Взял его охотник с собой. Идут они, спешат, а навстречу — росомаха. Говорит она человеческим голосом:

— Возьми меня с собой, мой детёныш с твоим братом в беду попал.

Пошли они дальше вместе. Видят: на тропе медведица их поджидает. Понял охотник, что и медведица с ними на выручку пойдет.

«Ну,— думает,— теперь мне ничего не страшно, разные звери мне помогают».

Дошли они до конца тропы. Глядят: вежа стоит, а вокруг неё валуны-камни. Догадались, что это за камни. Открыл охотник дверь вежи. Бросились звери на Адзь и разорвали её на кусочки. А кусочки эти зашипели, задымились и в чёрный мох превратились. Стали звери и охотник искать у Адзь живую воду. Горностай — маленький, юркий — ленточкой вытянулся и достал из расщелинки в камельке склянку. Побрызгал из неё охотник на камни — они и ожили. Пошли все назад. Звери — со своими детёнышами, каждый к своей норе или берлоге вернулся, братья — к матери. А та уже все глаза проглядела, их поджидаючи. Материнское сердце всегда чувствует, когда с детьми беда.

И поклялись братья — с той поры не расставаться. И на охоту вместе, и в жёны себе славных девушек-сестёр высватали. И по сей день живут, горя не знают.

Детский царь

Сказывают, был в стародавние времена у саамов царь. Правил он справедливо. Одно плохо: жена царя всё в его дела вмешивалась. Женщина она была красивая, но злая. Много от её нрава дурных дел происхо-

дило. А царь любил её безмерно и не замечал зла, что она творила.

И вот должен был у царя сын родиться. Вершит царь суд, спор мужа с женой рассуживают. И царица тут же. По царскому суду выходит: прав муж. Царица, наоборот, жену оправдывает. Вдруг её младенец, который ещё не родился, говорит:

— По себе и оправдала.

Разозлилась царица:

— Родиться ещё не успел, а уже учит! Что же я с ним потом делать буду?

И задумала она недоброе.

— Как только рожу младенца,— наказала она своей служанке,— выбросишь его на съедение зверям, а мне другого достанешь, пусть хоть из самой нищей семьи будет.

Родился у царицы сын. Отдала она его служанке. Пошла та в лес. Доброе сердце у служанки было. Не может она ребёнка бросить. Долго шла, до самого моря. Видит: стоит рыбацкая тупа. Заглянула в неё, а там в зыбке ребёнок плачет, мальчик. Положила она царского сына в зыбку, а рыбацкого с собой забрала. Идёт обратно, радуется: так хорошо всё получилось. Принесла царице сына рыбака. Та её наградила и молчать приказала.

Растёт у царя сын, смышлёный, бойкий. А как вырос, потянуло его в море. Ходит он под парусом, ничего не боится, рыбу ловит, как промышленник какой. Одно царя тревожит: того, что царскому сыну делать надо, царевич делать не хочет. Только и норовит — быстрее в море уйти. Печалится царь: не вырастет из сына хорошего правителя.

А сын рыбака тем временем тоже вырос. Все вокруг ему дивятся. Игры у него не такие, в какие дети рыба-

ков играют, да и недетские игры какие-то. Во всём первым хочет быть, суды над сверстниками вершит, но, правда, всегда справедливые. Дети выбрали его своим царём. А взрослые прозвали — детский царь.

И так у рыбацкого сына всё справедливо выходило, что и дети и взрослые стали к детскому царю за советом и судом ходить.

Как-то одна бедная старушка взяла блюдечко муки у соседей в долг. Только из чужой тупы на улицу вышла, налетел ветер и всю муку развеял, ни пылинки не оставил. Осерчала старушка. Пошла к царю на ветер жаловаться. Выслушал тот старушку, засмеялся.

— Глупая,— говорит,— ты, старуха! Как же я могу ветер судить?

Старушка говорит царю:

— Не сумел ты нас с ветром рассудить, пойду я лучше к детскому царю. Тот всё может. Он и меня с ветром рассудит.

Царь удивился:

— Что это за новый правитель в моём государстве объявился? Надо бы посмотреть на него.

Пошла старушка к детскому царю. И царский советник с ней.

— Рассуди меня с ветром,— говорит.— Мне соседи горсть муки дали. Вышла на улицу, налетел ветер и развеял муку — до последней пылинки.

Пожалел детский царь старушку.

— Когда,— спрашивает,— ветер муку твою развеял?

— Да вчера к вечеру,— отвечает старушка.

Позвал детский царь товарищей.

— Вчера,— говорит,— к нам три корабля вечером в губу зашли. Позовите их капитанов ко мне.

Позвали капитанов. Те идут: интересно им на суд детского царя посмотреть. Спрашивает тот у капитанов:

— Как вам вчерашний ветер, в помощь был?

— Конечно,— отвечают.— Если бы не ветер, мы б к вечеру до губы не добрались.

Тогда детский царь сказал:

— Вам ветер помогал, а у бедной старушки последнюю горсть муки развеял. Дайте старушке по горсти муки.

Улыбнулись моряки, понравилось им решение детского царя. Отдали они старушке каждый по горсти муки. Обрадовалась она, никогда у неё столько муки не было.

Рассказал советник царя про этот суд. «Что-то не так здесь,— думает царь.— За какое дело ни берётся — всё решает».

И захотел царь сам на детского царя посмотреть да поспрашивать его, проверить, так ли умён, как говорят.

Приказал он слугам отправить детскому царю трёх оленей-быков да сказать, чтобы через известный срок, когда те олени родят, он с оленятами к нему явился.

Взял детский царь быков.

— Убейте их на мясо,— говорит он саамам.— А шкурами худые вежи почините.

Так и сделали.

Подошёл срок телят к царю вести. Уговорил детский царь одного старичка на царский двор пойти и сделать всё, как он скажет. Пришёл тот, увидел царя, лёг на землю и давай кричать:

— Ой, сейчас рожать буду.

— Умом человек тронулся,— засмеялся царь.— Когда это мужчины детей рожали?

— Справедливо говоришь,— старичок ему отвечает.— А зачем же быков рожать заставлял?

Догадался царь, чьи это проделки, удивился, как его ребёнок провёл.

Пошёл сам на умника посмотреть. Царица тоже пошла с ним. Увидала она парня да давай над ним насмехаться. А детский царь взял весы, на одну сторону будто положил что, а на другую вроде ничего не положил.

— Что это ты делаешь? — царь его спрашивает.

— Да женский ум взвесить хочу. Но чего нет, то ничего и не весит,— отвечает детский царь.

Понял тут царь, что это его сын. Забрал его к себе. Наследником сделал, а своего воспитанника на волю отпустил. Тот рад-радёшенек. Вырос — капитаном стал. А царицу злую с тех пор все слушать перестали.

Старуха и Аццы

Жили в лесной глуши у небольшого озера две вдовы. Леск-Агка — вдова саама-охотника, обыкновенная женщина. Аццы — вдова лесного жителя и сама лягушка.

Подрастал у Леск-Агки сынок. Мать на него нарадоваться не может: «Вырастет — охотником будет. Мясо в доме появится, пойда, на оленьей постели кости свои старые отогрею». Думает она так, а сама сосновую кору растирает, чтобы кашу из неё сварить. Надо как-то голод пережить.

Аццы дочь свою в люльке качает, тоже думает: «Девка, она и есть девка. На охоту не сходит, мяса не добудет, а вырастет — замуж отдать придётся. Останусь я на старости лет одна. Хорошо вдове охотника, сын у неё».

И задумала Аццы недоброе. Однажды подкралась к веже вдовы охотника, когда та в лес за дровами ушла, взяла её сына, а на его место свою дочь положила.

И убежала с чужим сыном далеко в лес, на другое озеро.

Вернулась Леск-Агка домой, подошла к зыбке, видит: лежит в ней дочь Аццы. Заплакала горько, да делать нечего. Стала дочь Аццы растить.

Прошло много лет. Вырос у Аццы-лягушки человеческий сын. Мать свою родную совсем не помнит. На охоту ходит. У Аццы всегда мясо в котле варится. Живёт она, горя не знает. Вот только стало парня Аццыного из дома к людям тянуть. Понял он тогда, что роду-племени он не лесного, а человеческого. Недалеко от Аццыной он вежу другую сделал, как у людей. И стал жить в ней.

Однажды охотился он на оленя-дикаря и забрёл на дальнее-дальнее озеро. Видит: стоит ветхая вежа, тонкий дымок из неё еле вьётся.

«Кто же в таком скверном жилище живёт?» — подумал парень.

Заглянул потихоньку в ряппень: сидит у очага старуха, каша сосновая на огне парится, даже жиринки в ней не плавает. Жалко стало парню бедную старуху, отрезал он от оленя, что на охоте добыл, кусок и через ряппень в котёл с кашей опустил.

Смотрит старуха: в котле блёстки жира. «Откуда им взяться? — удивляется.— Много лет в доме пойды не водилось».

А парень к Аццы вернулся. Да только никак забыть не может бедную старушку. Всё время его в ту сторону тянет. Куда бы ни пошёл охотиться, всё равно на обратном пути мимо бедной вежи пройдёт. Подберётся незаметно, опустит в ряппень кусок мяса и обратно спешит.

Один раз он долго в ряппень смотрел. Старушка опять у огня сидит, а рядом с ней дочка Ацекнийд. Уди-

вился парень: уж очень Ацекнийд на Аццы, мать его, похожа. Опустил он в котёл через ряппень мясо и ждёт, что дальше будет. Ацекнийд и говорит Агке:

— Смотри, кто-то опять в котёл мясо опустил, жир поверх каши плавает.

Посмотрела старушка в котёл и тихо так сказала:

— Было бы у меня мясо и сало всегда, если бы мать твоя сына у меня не украла. Он уже, наверное, охотником стал, как его отец. А Аццы, поди, вся жиром заплыла, за нас с тобой ест.

Услышал это парень, задумался.

В другой день после охоты опять к старушкиной веже завернул. Видит: сосновой каши ещё меньше, чем в прошлый раз, варится. Положил в котёл незаметно кусок мяса, смотрит, что дальше будет.

Ацекнийд первая жиринки на каше приметила, обрадовалась:

— У нас опять каша с мясом.

Посмотрела старушка — и правда.

— Что ж, не привелось есть от промысла сыновьего, зато нашлись добрые люди, пожалели нас в нашей бедности.

Так захотелось парню в вежу войти да расспросить обо всём старушку! Через силу ушёл.

Вернулся домой и думает: «Наверное, это моя мать. Меня всегда к той веже тянет, и каждый день я всё про ту старушку думаю».

Еле утра дождался, стал опять на охоту собираться. Аццы удивляется:

— Зачем на охоту идёшь? Мясо у нас есть.

Почувствовала она что-то неладное. Стала его расспрашивать, где он ходит, что видит. Сын отговаривается, не хочет свою догадку открыть. Ушёл он в тундры, добыл оленя и прямо к старушке завернул.

— Здравствуй, старушка,— говорит ей.— Много я ходил по тундре, устал, оленя жирного добыл. Не приготовишь ли поесть мне? И сама с дочерью сыта будешь.

— Иди к огню поближе, гость желанный,— приглашает старушка.— Расскажи, откуда ты пришёл, где живёшь. Живы ли старики твои?

— Далеко от этих мест моя вежа,— отвечает парень.— А мать моя Аццы на твою дочь похожа, что две капли воды.

Рассказала тут ему старушка, что Аццы у неё сына украла, когда он в зыбке лежал, а ей Ацекнийд оставила.

Тут парень ей и сказал, что давно вокруг её вежи ходит, тянет его сюда. Обняла его старушка, прижала к груди, и оба почувствовали: и правда, они мать и сын.

Стали думать, как дальше быть. Аццы, как узнает обо всём, их в покое не оставит. Коварная она, лягушка эта, везде их найдёт и погубит. И дочку Ацекнийд старушке жалко, столько лет с ней прожила, добру учила.

— Пусть с нами живёт,— порешили они. А Аццы обманом надумали погубить.

Вернулся сын к Аццы и говорит ей:

— Завтра невесту в дом приведу.

Осерчала Аццы, не хочет, чтобы парень женился. И перечить не смеет. «Ну,— думает Аццы,— я на невестку порчу наведу, её сын сам из дома выгонит».

Поехал наутро сын как бы за невестой. А сам к матери своей. Нарядил её, повёз в дом к Аццы. А перед тем дал матери рукавицу-койбицу, и золы в неё насыпал, и говорит:

— Аццы тебе навстречу выйдет, ударь её этой рукавицей, она и дух испустит.

Вышла Аццы «невесту» встречать, старушка её койбицей по голове ударила. Аццы и конец пришёл. Привязал сын Аццы к оленю, стеганул его. Помчался олень

по варакам и кегорам — Аццы в прах по ним рассыпалась. И стали там расти кроме ягеля другие мхи — красный и чёрный. Олень такие не ест. Долго саамы думали, на что те мхи сгодиться могут. Красный мох стали детям как подстилки в зыбки класть, а чёрным — тупы и карбасы конопатить.

А сын со своей матерью и Ацекнийд долго и счастливо жили.

Саам-богатырь

Самое большое озеро у нас на Кольском полуострове — Имандра. Почти сто километров тянется оно с севера на юг. Берега его заливами изрезаны, а островов на нём — и не сосчитать сколько. А рыбы раньше столько было в Имандре, что когда она разыгрывалась, сама в лодки прыгала. Особенно красная рыба кумжа. Но только это плохая примета. Если кумжа к сааму в его лодчонку запрыгивала, он её скорее за борт выбрасывал и спешил к берегу причалить. Знает саам: значит, скоро ветер поднимется, буря будет. И заходят по Имандре волны высокие, как на море. Много саамских погостов на её берегах да островах было.

На самом большом острове и по сей день стоит красивая варака — горушка, густым лесом поросшая.

Рассказывают, что в незапамятные времена жил под этой варакой саам-богатырь с матерью-старушкой. Плохие были тогда времена. Не давала чудь саамам спокойно жить. Но и богатырь не давал врагам свой народ обижать.

Узнает, что в соседний погост чудь пришла, сразу спешит на выручку. Сила у него была такая, что сосну

с корнем вырвать мог. Боялась его чудь, с оглядкой по берегам Имандры разбойничала.

И задумала чудь от богатыря избавиться. Собрали они большую силу и поплыли к острову. Да не тут-то было. Богатырь вокруг своей вежи город построил. Городом саамы забор называли, особый такой забор: поперечные брёвна прямо к деревьям крепили. А богатырь те брёвна в два ряда навесил, а между ними камни насыпал.

Так вот, подошли разбойники к этому городу, а как через него к веже подобраться, не знают. Решили на вараку залезть, глянуть сверху, что же за тем забором делается.

Смотрят: а богатырь ловит себе рыбу на берегу озера и прятаться не собирается.

Удивились разбойники: их целая тысяча пришла, а саам их не боится.

Увидел богатырь чудинов на вараке и закричал:

— Зачем пришли?

— Да тебя в полон взять,— отвечают.— Нам сильные люди нужны.

— Много вас пришло,— говорит богатырь.— Делать нечего, пусть будет по-вашему. Только сначала идёмте ко мне в вежу, перед дальней дорогой вам угощение приготовлю.

Чудь радуется: так быстро они с саамом справились. Зашли чудины за город, расселись, угощения ждут.

А саам говорит матери:

— Пойди в тундру, пригони десяток оленей, чудь угощать будем. А потом потихоньку из города выйди. Я с этой чудью воевать буду.

Пригнала мать оленей, а сама в лесочке в амбарушек спряталась.

Богатырь достал котлы, в которых невода красят, и говорит чудинам:

— А теперь моторы — жерди значит — вырубить надо, чтобы котлы на них повесить.

Стали чудины моторы рубить. Саам посмотрел-посмотрел и говорит:

— Разве такие тонкие палочки десятипудовые котлы выдержат? Вот какие надо.

И давай сосны с корнем выдёргивать, обстругивать да к костру ладить.

Радуются чудины: какой богатырь на них работает! Он им и мясо в котлы крошит, и пойду тонко нарезает. Вкусный дух от котлов идёт. У чудинов уже никакого терпения нет.

— Давай,— кричат,— мяса скорее, есть будем.

— Кушайте, чудины,— угощает их саам, а сам всё больше и больше мяса подкладывает.

Чудины жадные, большие куски глотают.

Наелись — пошевелиться не могут.

Тут богатырь выдернул из земли мотору, на которой котёл над костром держался, и давай чудинов налево и направо крушить.

Всех уничтожил: «Не будете на нашу Имандру ходить, саамские погосты грабить».

Потом собрал мёртвых врагов и камнями засыпал, большую гору навалил.

Камни те и по сей день далеко видны. Саамы около этого места ночью ездить боятся. Говорят: поныне слышно, как чудины в камнях стонут.

И ещё один обычай у саамов с тех пор завёлся. Как только хозяйка обед приготовит, хозяин мотору тут же из земли вытащит и на всякий случай с собой рядом положит.

Дочь жителей скал

Поехали как-то несколько саамов из Иоканги на морского зверя охотиться. Повезло им: большущего морского зайца добыли. Потом в озере палии, рыбы розовой, наловили. Уху сварили, поужинали и уснули все крепко в избушке-промыслушке — устали за день.

Только одному парню не спится. Всё его тянет на улицу выйти. Полежал он, полежал. «Дай,— думает,— выйду, всё одно спать не могу».

Вышел, огляделся вокруг. Место чудно́е. Скалы большущие, тёмные. Днём совсем по-другому всё виделось. Только так подумал — ветер его подхватил и понёс.

Очнулся в незнакомой каменной веже. И как сюда попал, не помнит.

Старик со старухой чужие за столом сидят, его угощают. Тут дочь их вошла Пактйелленийте. Красивая девушка. Догадался парень, что у жителей скал очутился. Страшно ему стало.

Уговаривают старик и старуха:

— Возьми нашу дочь в жёны. Она, как тебя увидела, покоя лишилась.

Подумал парень: «Откажешься — навеки тут оставят». И согласился:

— Пусть будет по-вашему. Только жить мы будем в нашем погосте.

— Ничего,— говорят старик и старуха.— Твою жену, кроме тебя, никто не увидит.

Тут снова подхватил ветер парня — и он очутился в избушке-промыслушке. Словно и не выходил из неё.

Ещё три дня на берегу прожили. Дочь жителей скал все эти дни не показывалась.

Парень уже обрадовался: «Может, и совсем не придёт». На четвёртый день сели саамы в лодку, поплыли в Иокангу. Смотрит парень: сидит с ним рядом Пактйелленийте. Он её видит, говорит с ней, а все будто глухие и слепые: не видят её и, что он с девушкой разговаривает, не слышат.

Приехали домой. Стал парень мать-старуху просить праздник устроить. Рядом с собой прибор поставил, а никого не посадил. Гости веселятся да удивляются: парень один весь вечер танцует.

А девушка была красивая, кроткая. И полюбил тот саам крепко. Прошло немного времени — стала в саамской веже тосковать его жена. Просит мужа отпустить её в ближайшие скалы жить. Как не хотелось отпускать её сааму! Но пришлось. Поселилась она в скале недалеко от его вежи. Повеселела, встанет на скалу и песни поёт. Муж эти песни слышит, радуется.

А как только вечер настанет, парень из дому уходит. Придёт к скале, впустит его жена. Ночь вместе коротают, а утром саам домой идёт. Не нравится всё это старухе матери: чего это сын по ночам куда-то ходит? Давно уже пора в дом невесту брать — старухе на старости лет помощница будет, да и внуков понянчить охота.

Стала уговаривать мать сына жениться — он ни в какую. «Пойду,— думает старуха,— к нойду. Пусть колдует. Узнаю, почему невестку в дом взять не могу». Стала у нойда совета спрашивать. Сказал ей нойд: есть уже у неё невестка, только невидимая.

Вернулась мать домой, плачет:

— За что мне старость такая, когда я невестки не вижу, внуков не нянчу? Веди,— говорит сыну,— свою жену в дом. Нойд обещал её видимой сделать.

Пришёл вечером парень к скале. Смотрит: стоит его жена — видимая! Привёл её в вежу. Старуха на не-

вестку наглядеться не может. Такая красавица! Только лицо у неё всегда печальное.

Живёт Пактйелленийте среди людей и с каждым днём всё бледней и бледней становится. В погосте и недолюбливают, и побаиваются — чужая, на других не похожа.

Стала просить она мужа отпустить её в родные скалы. А у него душа разрывается. Любит он Пактйелленийте.

Пошёл как-то на охоту, вернулся — нет жены. Ходил, искал — нигде не нашёл. А как солнце садиться стало, увидал свою Пактйелленийте на скале. На той, где она песни петь любила. Так навечно на скале и осталась.

И сейчас, если на закате в Иоканге на скалы смотреть, можно увидеть красивую женщину.

Золотое деревце

На берегу большой реки жили старик со старушкой. И было у них три сына и дочка. Пришло время — старики умерли. Остались дети одни. Немного им старики добра оставили — вежу да карбас.

Жили они, жили, все работали, особой нужды не знали. Да только время подошло семьи им свои заводить.

Сестра и говорит братьям:

— В нашей лесной глуши и людей нет. Где же мы невест для вас возьмём, а для меня жениха? Давайте сядем в карбас и поплывём по течению. Там внизу погосты стоят, люди живут. Может, там и суженых своих встретим.

Подумали-подумали братья да так и сделали. Сели все они в лодку и поплыли вниз по течению. Сидит сестра на корме, по сторонам смотрит, берегами любуется. Видит: стоит сосна, а веточка у неё будто из чистого золота. Просит она братьев к берегу пристать, веточку золотую сорвать хочет.

Старший брат и говорит:

— Давай я тебе эту веточку сорву.

Подошёл он к сосне, а за ней вежа. А у вежи девушка-саамка сидит, сети вяжет. Понравилась парню девушка, и он ей приглянулся. «Видно, это моя судьба»,— решил старший брат. Позвал он братьев и сестру. Стали они девушку за старшего брата сватать. Свадьбу сыграли. Три дня гуляли. Остался брат в веже под сосной жить, а остальные дальше поехали — свою судьбу искать.

Долго плыли. Видит сестра: стоит берёза, а одна веточка у неё словно из золота. Опять просит сестра к берегу пристать, веточку достать. Пошёл средний брат веточку для сестры сорвать. А под берёзкой тупа стоит. Заглянул в неё, а там девушка у камелька сидит, суп варит. Понравилась она ему, и он ей тоже. Решили вместе жить. Позвали из лодки брата и сестру. Те девушку за среднего брата посватали. Свадьбу сыграли. Остался средний брат в тупе под берёзой жить.

А младший брат с сестрой дальше отправились.

Плыли они, плыли, видят: стоит осина, и одна веточка на ней как золотая. Опять стала сестра просить к берегу пристать, веточку достать. Пошёл младший брат веточку для сестры сорвать. Подошёл к осине, а за ней увидел избу русскую. А в ней девушка — такая пригожая. Увидала парня, обрадовалась.

— Видно, суженый мой пришёл,— говорит.

Позвал брат сестру.

— Вот,— говорит,— и моя судьба.

Сыграли свадьбу. Остался младший брат в избе жить. Погостила у него сестра и, как брат ни уговаривал у него остаться, поплыла дальше, судьбу свою искать.

До самого вечера плыла. Видит: стоит на берегу ель, вся будто золотом горит. Вышла девушка из карбаса, а он сам вдруг от берега поплыл. «Видно, и я к своей судьбе пришла»,— подумала девушка.

Подошла она к ели, а под ней вежа просторная стоит. Амбары жилые кругом, олени да овцы бродят. Большая семья, видно, в этой веже живёт. Зашла она в вежу, а там старичок и старушка сидят. Увидели девушку, обрадовались.

— Вот,— говорят,— нашему сыну жена будет.

Усадили девушку в почётный угол. Старичок бабку торопит:

— Поставь суп да мясо накроши, сало растопи, девушку накорми.

Огляделась девушка: в другой половине вежи две женщины сидят. Толстые, надутые, на неё не смотрят, старикам не помогают.

— Это жёны старших сыновей,— старик говорит.— Чистое наказание, ничего делать не хотят. Да где в лесной глуши невест лучше найдёшь? Вот младшему сыну повезло. Такая красавица к нашей веже пришла, как в песне поётся:

На лбу — солнце,
По щекам — звёзды,
На затылке — месяц.

Жёны старших сыновей слушают, что старик говорит, злятся.

Тут братья из лесу пришли. Младший посмотрел на девушку и полюбил её сразу. Свадьбу сыграли. Жених пригожий, и невеста — красавица.

Много ли, мало ли годков прошло — кто сейчас вспомнит? Жили все в одной веже, как у саамов водится. Мужчины на охоту ходили, женщины по дому работу делали.

Пошли как-то невестки за ягодами. Брусники много набрали. Вдруг видят: чахкли играют. Стали женщины просить у них по сыну себе. Старшие просят пузатеньких, с перхотными головками, на них самих похожих. А младшая говорит:

— Какая сама есть, пусть такой и сын будет.

Старшие невестки шепчутся:

— Ишь чего захотела! Хватит нам и одной красавицы.

Пришла пора — родили старшие невестки сыновей, на себя похожих, с перхотными головками, пузатеньких. И младшей невестке пора рожать пришла. Отправилась она в амбар, и старшие невестки с ней. Как только родила она красавца мальчика, невестки его в керёжу сунули и от берега оттолкнули. А бедную мать связали — и амбар подожгли.

А сами кричат:

— Свёкор, свёкор! Амбар горит!

Прибежал старик, сразу понял, что дело нечистое. Вытащил он младшую невестку из амбара, а та от горя онемела. Старик и старуха у невестки спрашивают, что с ней, а она молчит. А старшие невестки тут как тут.

— Куда,— кричат,— ребёнка дела? Наверное, лесной нечисти отдала?

Вернулись сыновья с охоты, старшие невестки своих сыновей, толстеньких, с перхотными головками, на себя похожих, показывают, хвастаются. А младшая только плачет.

— Как же ей не плакать? — говорят невестки.— Дитя родное в лес кинула.

Опечалился младший брат, а старичок со старушкой говорят:

— Нечистое тут дело, не верь им. А жена твоя и рада бы рассказать всё, да не может.

Простил младший брат жену, а невестки пуще прежнего злятся.

Прошло время, опять младшей невестке рожать пора. Спряталась она подальше в лес, думала, никто там её не найдёт. Да только старшие невестки высмотрели. Отняли опять у неё новорождённого мальчика, положили в карбас и от берега оттолкнули. А невестку связали и в лесу бросили.

Хватились старик со старушкой — нет младшей невестки, опять с ней беда. Стали искать её. Нашли в лесу, еле выходили. Молчит девушка, ничего мужу сказать не может. А старшие опять за своё:

— И этого своего ребятёночка лесной нечисти отдала. Даром что красавица.

Не верит жёнам братьев младший.

Много ли времени утекло, пришла пора красавице в третий раз рожать. Стали братья на охоту собираться. Вышли на вараку, а младший брат больным сказался и к веже потихоньку вернулся. И успел увидеть, как невестки его только что родившуюся дочку в лодке по реке пустили. Кинулся он ту лодку по берегу догонять, спешит её перехватить. А внизу по реке падун большой был.

Вдруг видит лебедя, который лодку с ребёнком перехватил и к берегу правит. Подошёл ближе. А над самым падуном гнездо большое, и в нём с лебедями два мальчика уже большенькие сидят и девочка новорождённая лежит. Догадался он, что это его дети.

Вернулся к веже. Там всё как прежде, только жена его бледная-бледная, как из могилы встала. Взял млад-

ший сын её за руку да мать с отцом и повёл к берегу. Увидела женщина детей, обнимает их, целует. Старичок и старушка радуются. Лебедя благодарят. И к невестке, от радости такой, голос вернулся.

Тут и рассказала она, как старшие невестки хотели её детей погубить. И решил младший брат с женой и детишками в вежу не возвращаться. Ушли они подальше от тех мест, насколько сил хватило. И зажили там счастливо.

С тех пор у саамов женатые братья в одной веже не живут. Каждый себе свою ладит.

Дочь Солнца

В давние времена жил в лесу на берегу большого озера саам с женой и дочкой. Хорошие у них угодья были. Олень-дикарь приходил в те места, озеро рыбой богато. Да заболела у старика жена и умерла. Остались они с дочкой вдвоём.

Надумал старик жениться. Но кто в такую лесную глухомань пойдёт?

Согласилась одна старуха, ленивая да злая. Своих детей у неё трое было. И все к работе не приучены. Лежат целый день в грязной веже, вшей друг у друга в голове ищут.

Привёл старик жену в свою вежу. С первого дня невзлюбила старуха старикову дочь. Самую грязную работу делать её заставляла. Работает девушка целыми днями, со всем управляется. И всё краше только становится. Злится старая, придумывает всё новую и новую работу, чтобы дочь старика уморить. За дровами её в лес посылает, за ягодами — там комаров и мошки много,

заедят красавицу. Всё, что ни прикажет старуха, девушка выполняет.

А солнце, что весь полярный день — целых два месяца — по небу ходит, за горы не прячется, заприметило красавицу. Стало оно девушку замуж звать.

Согласилась девушка за Солнце замуж выйти.

— Вот,— говорит,— только приданого у меня никакого нет, разве что туесок с морошкой.

Улыбнулось Солнце.

— Хорошее,— говорит,— у тебя приданое — солнечные ягоды.

Только старого отца своего девушке жалко, совсем его мачеха работой замучила. Целыми днями он на охоте пропадает, чтобы старухиных детей прокормить.

— Пойду,— говорит девушка,— с отцом прощусь.

Отец радуется, что у дочери жених — Солнце.

— Не думай,— говорит,— обо мне, нам с тобой век на эту ненасытную старуху с её детьми не переработать. Сам я виноват, что её в дом привёл. Пусть хоть тебе счастье улыбнётся.

Услышала всё это старуха. Решила она девушку из вежи не выпускать. Сидит девушка взаперти, а её жених повсюду высматривает. Разозлилось Солнце да так припекло, что мочи нет. Захотела мачеха воды испить, посылает своих детей. А им лень, не привыкли они за водой ходить. Делать нечего, выпустила она падчерицу на улицу. Лицо ей золой намазала, чтобы Солнце её не узнало. Нагнулась девушка над озером воды набрать, увидела свое отражение, испугалась. «Неужели это я?» — думает. Зачерпнула воды, лицо умыла — и ещё краше стала. Тут её Солнце узнало — и забрало с собой на небо.

Живёт девушка счастливо с Солнцем. Родилась у неё дочь, ещё краше, чем она сама. Подошло дочери

время замуж выходить. Загрустили родители: должна их дочь своё счастье на земле найти, расстаться придётся. Собрали они ей всё, что саамской девушке в приданое положено. Дали важенку, чашку морошки, каньги, платье новое. Да ещё подарки будущей родне положили. Жениху и его родителям — по рубахе; братьям мужа — койбицы, рукавицы из оленьей шкуры; сёстрам — повязки на голову. Да все такие красивые, солнечными лучами расшиты. Прощается мать с дочерью и говорит ей:

— Первого, кого встретишь, тот тебе мужем и будет.

Спустило Солнце дочь свою на землю. Идёт она по тундре, грустно на сердце. На всю жизнь с любимыми родителями расстаться пришлось. А навстречу бедный саам попался. Ничего у него нет, живёт вдвоём с матерью на краю погоста, за чужими оленями присматривает. Увидел он девушку, спрашивает:

— Откуда ты такая красивая идёшь? И почему грустишь?

— Ты мой суженый,— отвечает девушка.

Бедняк своим глазам и ушам не верит. И девушка красивая, и приданое у неё хорошее.

— Не могу,— говорит,— я на тебе жениться, нечем мне за тебя выкуп заплатить.

— А ты у моего отца Солнца за меня год отработать должен. Такой закон у саамов: нет добра — работой заплатить можно.

Обрадовался бедняк. Привёл девушку в свою вежу. Увидела мать саама такую невесту, на почётное место посадила. А утром ей веретено подарила, чтобы пряжу пряла, без дела не сидела.

Прядёт девушка пряжу, а из пряжи той такие платки ткёт, что заморские купцы всё, что ни попросишь, за них дают. Хорошо молодые живут, в любви и достатке. Да

только завистников всегда хватает. Стали в погосте шептаться, что бедняк себе жену обманом добыл. У него на выкуп денег не было, а живёт с каждым днём всё лучше и лучше. Собрали суйму — совет всего погоста.

— Где,— говорят,— добро украл? Нет у нас закона, по которому вор с нами вместе жить может.

Рассказал бедняк, как девушку в тундре встретил. И как в дом привёл. Показал, какие платки его рукодельница ткать может.

Верит совет — и не верит.

— А что же ты,— говорят,— по нашему закону у Солнца год не отработал?

Не хочется молодому мужу с женой расставаться, да совет решил: когда срок отработает, тогда и поверят ему, что правду сказал.

Собрала жена мужа в дорогу, научила:

— Пойди на то место, где меня встретил, там отца подожди.

Сделал саам, как жена велела. Пришёл, Солнца ждёт. Взошло оно, увидело зятя, удивилось. Спустилось к нему, стало про дочь расспрашивать. Рассказал зять: совет назначил ему отработать за жену год у Солнца, а то веры не будет.

Забрало Солнце саама на небо. Посадило его солнечной керёжей править. Сначала вокруг света керёжу медведь тянул, потом росомаху впрягли, затем волка — собаку лесную, а затем важенку безрогую. А как важенку выпрягать стали — опять медведь поджидал.

Солнце и говорит:

— Вот и прошёл год.

А по саамскому обычаю отработавший за жену зять без подарков из дома тестя не уходит. Подарило Солнце оленей, что за этот год в его стаде народились. Насилу саам их к своему погосту пригнал, столько их было.

— Ну как,— спрашивает у соседей,— теперь поверите?

Все ему поверили. Вернулся саам к дорогой жене и зажил с ней на славу. Много у них ребят было. А внуки их и по сей день среди нас живут. Ты их сразу узнаешь. Глаза у них голубые, словно небо, волосы светлые, а улыбка — добрая. И больше всего на свете они солнце и мир любят.

Словарик

А г к а — бабушка.

А ц ц ы — мифическое существо: женщина-паук или женщина-лягушка.

Б у р д у х — национальное саамское блюдо: суп из оленины и лесных ягод.

В á ж е н к а — самка оленя, олениха.

В а р á к а — невысокая горушка, заросшая густым лесом.

В é ж а — древнее саамское жилище, напоминающее землянку, строилось из брёвен, палок и покрывалось корой и дёрном; при переезде разбиралось.

В у к с — мешок из оленьих или нерпичьих шкур, с костяными застёжками.

Г и́ р в а с — олень-самец, олень-вожак.

Г ó р о д — ограда, забор.

К á н ь г и — саамская обувь из шкуры оленя, с острыми, загнутыми вверх носами.

К á р б а с — большая деревянная промысловая лодка.

К е г ó р а — возвышенное место с оленьим пастбищем.

К е р ё ж а — древние саамские сани в виде лодки.

К ó й б и ц а — рукавица из шкуры, снятой с оленьих ног.

К ý в а к с а — походный шалаш из жердей, берёсты или оленьих шкур.

М о т ó р а — деревянная палка, на которую вешают котёл при варке пищи.

Н á л э т ь — часть оленьего рога.

Н о й д — колдун; и н о й д а — колдунья.

О б ó р а — обмотка для ног, вид портянки.

О л е н ь - д и к а р ь — дикие олени, основное промысловое животное.

О п а с — проводник.

П а д ý н — водопад, большой каменный перекат.

П о г ó с т — саамское селение.

П ó й д а — оленье сало.

Р я́ п п е н ь — отверстие в веже для выхода дыма.

Т а́ л а — сказочное существо, сказочный медведь.

Т р о й н и́ к — рыболовный крючок с тремя остриями.

Т у́ н д р а — горный массив; плоскогорье, покрытое скудной растительностью.

Т у п а — жилище из брёвен с плоской крышей.

С а́ й д а — промысловая рыба семейства тресковых.

С е й д — священный камень, божество.

С и́ л ь я — капкан в виде петли для ловли птиц и мелких зверьков.

С у́ й м а — собрание, совет.

Х и́ г н а — верёвка, привязь.

Ч а́ х к л и — сказочные существа, маленькие человечки, живущие под землёй.

Ч у д ь — враг, разбойник.

Ч у д ь ю л ь к в и к — пешие разбойники.

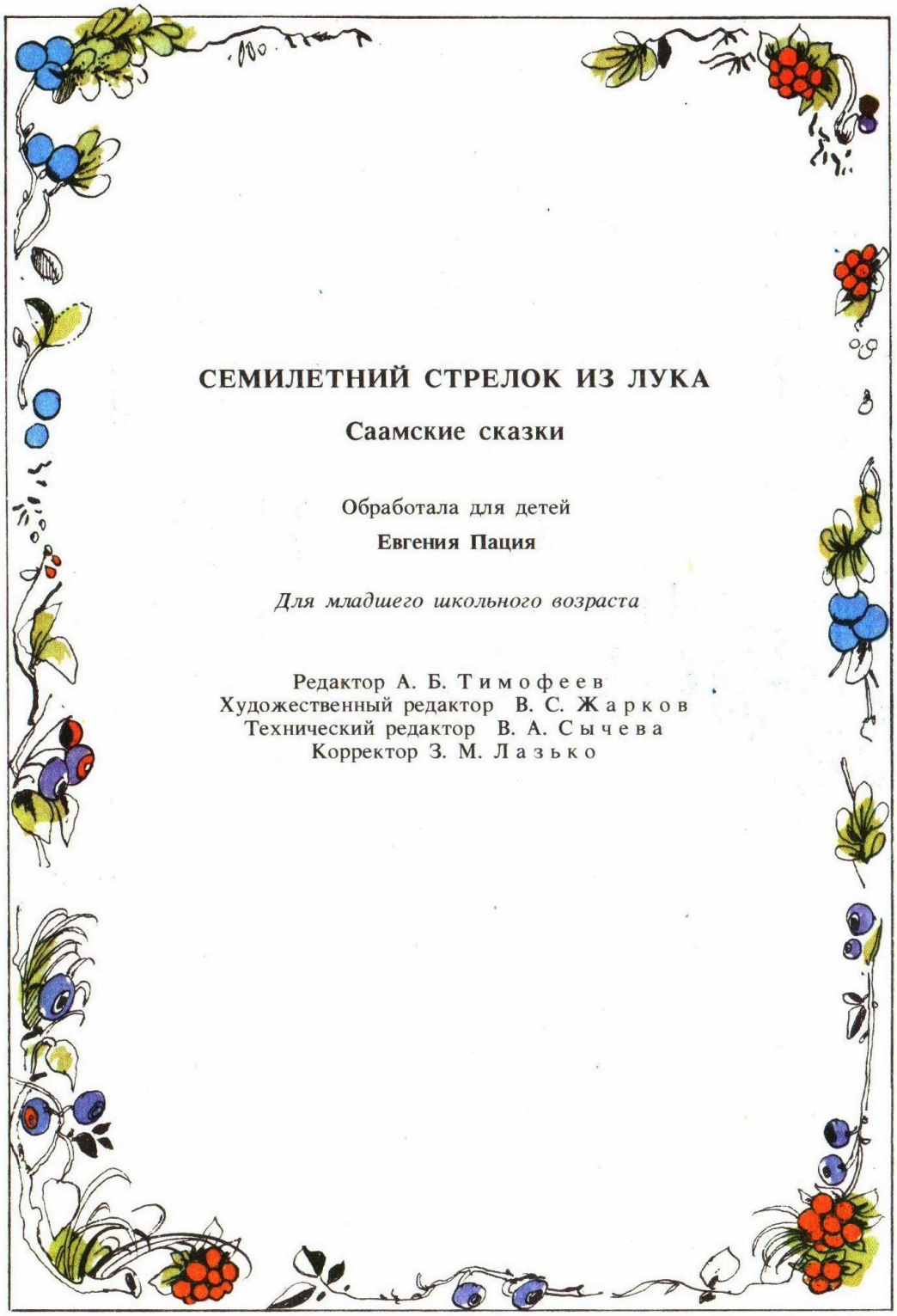
Ч у э р в ь к а р т — в местах жертвоприношений груды оленьих рогов.

Я г е л ь — мох, основной корм северного оленя.

Я р у с — рыболовная снасть: длинная верёвка с множеством крючков.

Содержание

О саамах и их сказках 5
Чахкли 7
Богатый, да скупой — бедный, да щедрый 10
Как саам на небо ходил 14
Морская бабушка 18
Айновы острова 20
Собачий сын 22
Гирвас-озеро 29
Семилетний стрелок из лука 31
Охотник 35
Брат и сестра 39
Заклятая гора 44
Волшебный котёл 48
Старшая Голова 51
Налэть 54
Как старуха погост от чуди спасла 56
О чудесном переезде с острова Кильдин 58
Как братья сестру из беды выручили 61
Красивая Катерина 71
Некрасивая девка-нойда 74
Сказка о двух братьях 76
Детский царь 81
Старуха и Аццы 85
Саам-богатырь 90
Дочь жителей скал 94
Золотое деревце 96
Дочь Солнца 102



СЕМИЛЕТНИЙ СТРЕЛОК ИЗ ЛУКА

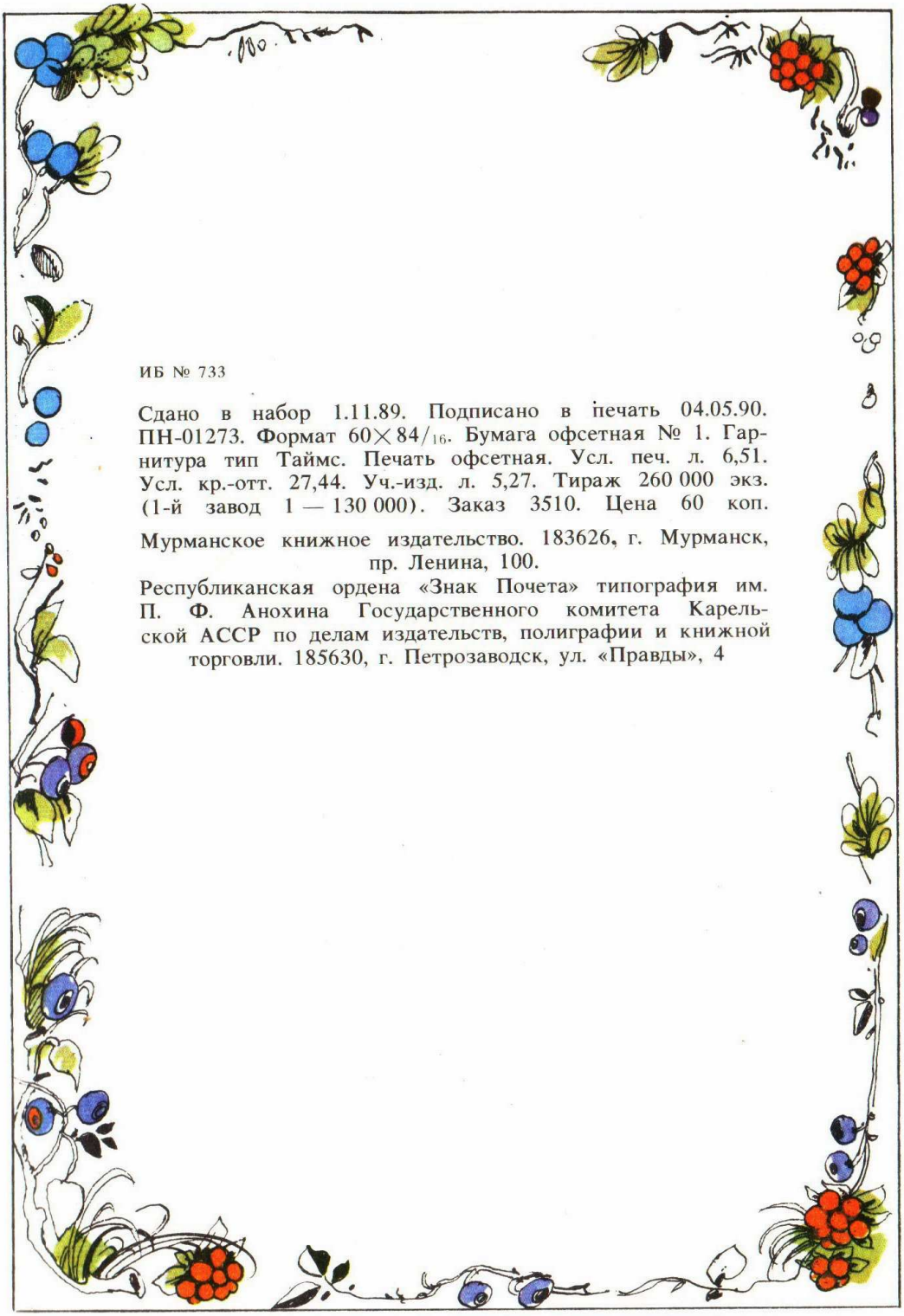
Саамские сказки

Обработала для детей

Евгения Пация

Для младшего школьного возраста

Редактор А. Б. Тимофеев
Художественный редактор В. С. Жарков
Технический редактор В. А. Сычева
Корректор З. М. Лазько



ИБ № 733

Сдано в набор 1.11.89. Подписано в печать 04.05.90. ПН-01273. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура тип Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,51. Усл. кр.-отт. 27,44. Уч.-изд. л. 5,27. Тираж 260 000 экз. (1-й завод 1 — 130 000). Заказ 3510. Цена 60 коп.

Мурманское книжное издательство. 183626, г. Мурманск, пр. Ленина, 100.

Республиканская ордена «Знак Почета» типография им. П. Ф. Анохина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 185630, г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4

С 30 **Семилетний** стрелок из лука: Саамские сказки / Обраб. для детей Е. Пация.— Мурманск: Кн. изд-во, 1990.— 112 с.: ил.

Саамские народные сказки в обработке для детей младшего школьного возраста.

С $\frac{4803520400-12}{М150(03)-90}$ 18—90 ББК 82.3(2)

60 коп.

Художник

ВАЛЕРИЙ ЦИКОТА

МУРМАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО